

Когда уходит боль

ТАТЬЯНА
МАКЕЕВА

18+

Татьяна Макеева

КОГДА УХОДИТ БОЛЬ

<https://litres.ru/74670344>

SelfPub; 2026

Аннотация

Есть боль, от которой человек готов избавиться любой ценой.

После смерти отца успешный риелтор Илья Соловьёв обращается за помощью к загадочной женщине-психологу. Она предлагает необычный способ справиться с горем — старинный хрустальный флакон, способный избавлять от душевных страданий.

Облегчение приходит почти мгновенно. Но вскоре жизнь Ильи начинает необъяснимым образом разрушаться.

Тем временем психиатр Антон Савельев, расследуя странные случаи человеческих трагедий, обнаруживает следы таинственного сосуда, уходящие на столетия в прошлое.

Что связывает современного врача, успешного риелтора и крепостную женщину, жившую триста лет назад?

И какую цену придётся заплатить за возможность больше не чувствовать боли?

«Когда уходит боль» — мистический психологический триллер о человеческом горе, соблазне избавиться от страданий и последствиях решений, которые невозможно отменить.

Содержание

Глава 1.	5
Личный ад доктора Савельева.	5
Глава 2.	18
Истоки проклятия.	18
Глава 3.	28
Золотой мальчик.	28
Глава 4.	39
Крушение надежд.	39
Глава 5.	52
Слепота разума.	52
Глава 6.	66
Трещина в броне.	66
Глава 7.	78
Интерлюдия. Падение с высоты.	78
Глава 8.	85
Архив профессора Лебедева.	85
Конец ознакомительного фрагмента.	100

КОГДА УХОДИТ БОЛЬ

*«Тот, кто не смотрит в свою
собственную душу, обречен на
заблуждение. Тот, кто смотрит на
свою тьму, становится
одновременно слеп и мудр.»*

Карл Густав Юнг

Глава 1.

Личный ад доктора Савельева. Октябрь 2024 года.

Будильник на телефоне даже не успел пискнуть.

Антон Андреевич открыл глаза ровно в пять сорок пять. Привычка просыпаться без будильника осталась у него со студенческих лет, когда между ночной сменой на промёрзшем фармацевтическом складе и утренней лекцией по топографической анатомии оставалось едва три часа хрупкого забытья.

В трёхкомнатной квартире стояла звенящая тишина. Здесь пахло старым паркетом и пылью, осевшей на корешках медицинских энциклопедий. Из окон тянуло холодом — как в пустых музейных залах перед открытием.

После того как не стало Ирины, Антон поклялся ничего не трогать. Ни единой мелочи. Но вещи будто сами понемногу сдавались времени.

На туалетном столике высохли остатки её любимых духов. Разбитая когда-то палетка теней так и осталась цветной пылью в щелях паркета. На углу зеркала лопнула леска жемчужных бус, и часть бусин закатилась под комод. На подоконни-

ках давно засохли герани.

Квартира сбрасывала кожу медленно, год за годом, оставляя Антона в гулкой бетонной коробке наедине с холодной тишиной.

Он прошёл на кухню босиком, не зажигая верхний свет. Серое октябрьское утро сочилось сквозь пластиковые ламели жалюзи, нарезая столешницу на мутные полосы.

Антон нажал кнопку старенькой рожковой кофеварки.

Аппарат натужно взвизгнул, затрясся мелкой дрожью, и тёмная, пахнувшая жжёным зерном струйка неохотно потекла в белую керамическую кружку.

Савельев протянул руку.

От бессонных ночей дрогнули пальцы. Кружка качнулась, горячий кофе плеснул на тыльную сторону ладони и растёкся по белой столешнице уродливой бурой лужей.

— Твою мать через колено... — глухо выдавил он в пустой угол кухни.

И замер.

Собственный голос ударил неожиданно сильно.

Точно так же.

Тот же простуженный, скрипучий тембр. Та же тупая бес-
сильная злоба.

Воспоминание нахлынуло внезапно и отбросило его почти на три десятилетия назад, в серую хрущёвку у самого забора тракторного завода.

Октябрь.

За окном такая же свинцовая хмарь. На крошечной кухне клубится пар над закипающей водой в алюминиевой кастрюле. Шестилетняя Светка размазывает по тарелке остывающую манку с серыми комками и уныло канючит.

Отец уже в грубой брезентовой куртке, пахнущей машинным маслом и дешёвым табаком. Торопливо хлебает из кружки, обжигает нёбо, со звоном роняет её на потёртый линолеум и бросает в потолок:

— Твою мать через колено...

Он даже не взглянул вниз. Не взял тряпку.

Просто шагнул в прихожую и прихлопнул за собой обитую дерматином дверь так, что с верхнего наличника посыпалась штукатурка.

Десятилетний Антон сорвался с табурета, подбежал к мутному стеклу и долго провожал глазами сутулую фигуру в брезенте. Он был уверен: отец просто злится из-за сорванного выходного. Опять дёрнули на завод латать какую-нибудь прорванную магистраль.

Вечером мать вернулась со смены на обувной фабрике.

Не разуваясь, прямо в пальто, она опустилась на табурет возле газовой плиты. Серые от обувного клея руки безвольно легли на колени.

Не поднимая глаз на детей, мать произнесла пустым, сдавленным голосом:

— Отец больше не придёт. У него теперь другая женщина. Дальше потянулись бесконечные подработки в сырой за-

водской прачечной, где пахло хлоркой и щёлоком. Пустые синюшные супы из мороженой капусты. Вечно ноющая от одиночества Светка. И липкий, вьедливый страх в животе: дотянем ли до аванса? Хватит ли на хлеб?

Савельев со свистом втянул воздух сквозь стиснутые зубы.

Обожжённую ладонь саднило.

Он сорвал с рулона бумажное полотенце и ровными, размеренными движениями принялся стирать кофейную лужу. Дрожь в пальцах постепенно улеглась. Мышцы лица снова затвердели, складываясь в привычную непроницаемую маску.

Врач хладнокровно придушил испуганного десятилетнего мальчика ровно за три секунды.

Через сорок минут Антон уже глушил мотор старенького седана на служебной стоянке «Скворцовки».

Октябрьский ветер гонял по серому асфальту мокрые берёзовые листья. Машина встала на привычное место у глухой кирпичной стены пищеблока. Двигатель заглох и в салоне сразу стало зябко.

Антон не спешил выходить.

Он сидел, вцепившись пальцами в потёртую оплётку руля, и смотрел, как дворник в яркой оранжевой жилетке лениво скребёт метлой по асфальту.

В этом месте время текло иначе — тягуче, сонно.

Здесь никогда ничего не меняется, мелькнула привычная

мысль. Меняются только диагнозы в карточках.

«Скворцовка» встретила его привычным запахом хлорной извести, переваренной перловки, дешёвого табака из курилки и едва уловимого духа немытого человеческого тела.

Запах беды, запертой за решётками.

Он поднялся по истёртым ступеням главного корпуса. Старая дверь подалась с протяжным скрипом.

В вестибюле, прямо под стендом «Информация для родственников», сидел дежурный охранник — тучный мужик с багроватым лицом. При виде главврача он попытался выпрямиться, одновременно сменяя раскрытый сканворд.

— Доброе утро, Антон Андреевич.

— Доброе, Сергеич. Как ночь?

— Без ЧП.

Охранник потёр небритый подбородок.

Антон коротко кивнул и зашагал по длинному коридору. Тусклые люминесцентные лампы гудели на одной высокой ноте. Шаги отдавались от стен, крашенных масляной краской. Больничный кафель под ногами был исчерчен чёрными полосами.

На третьем этаже возле ординаторской его уже поджидала старшая медсестра Тамара Ивановна — женщина-монумент с пергидрольными кудрями и ярко-красной помадой, затёкшей в мелкие морщинки вокруг губ. В руках она держала толстую папку-планшет с металлическим зажимом.

— Антон Андреевич, наконец-то, — заговорила она без

приветствия, сразу пристраиваясь к нему в шаг. — В пятой палате опять течёт под раковиной, сантехник дядя Вася пьян с позавчерашнего дня. Из шестого отделения передали: у Ковалёва обострение. С пяти утра сидит на кровати, раскачивается и с кем-то разговаривает. Тихо, но агрессивно.

День затянул Антона в привычную рутину: короткая пятиминутка с помятыми после смены дежурными врачами, акты на списание сильнодействующих препаратов, нелёгкий разговор с родственниками пациента из второго отделения.

До двенадцатой палаты наблюдательного блока он добрался, когда за окнами уже сгущались ранние сумерки.

Здесь не было острых углов. На окнах стояли толстые стеклопакеты без ручек. Воздух пропитался лекарствами, затхлостью и чем-то кислым, застоявшимся.

Семён Ковалёв сидел на полу в дальнем углу, поджав худые колени к подбородку и вжимаясь лопатками в стык серых стен.

Бывшему инженеру-проектировщику едва перевалило за сорок, но выглядел он ветхим стариком: желтоватая кожа, ввалившиеся щёки, дикий затравленный взгляд.

— Здравствуй, Семён.

Антон медленно опустился на корточки в нескольких шагах от пациента, сохраняя дистанцию.

Говорил негромко и ровно.

— Сегодня они громче?

Ковалёв мелко вздрогнул, дёрнул кадыком и закивал, не

поднимая глаз. Сухие исцарапанные пальцы безостановочно скребли ткань казённых полосатых штанов. Ногти на больших пальцах были сгрызены до мяса.

— Там, — сипло, захлёбываясь словами, отозвался Семён и покосился на тёмный плинтус. — И в вентиляции. Вера плачет. Говорит, холодно там, в трубе. Вода ледяная, склизкая... А я ей говорю: я не хотел, Верочка, я просто спать хотел, голова раскалывалась... А брат не плачет. Брат матерится. Обещает зубы мне выбить, когда вылезет. Монтировкой рёбра пересчитать.

Антон перевернул страницу в папке, хотя каждую строчку анамнеза помнил наизусть.

Ковалёв поступил полтора года назад.

Сначала жена утонула прямо в ванной — уснула после снотворного, пока муж смотрел футбол в соседней комнате. Через две недели родной брат разбился на пустом шоссе, влетев в опору моста на отцовской «девятке».

Следствие признало обе смерти несчастными случаями.

Через месяц Семён сам явился в районный отдел полиции, колотился лбом о стены и умолял запереть его в одиночке.

Антон снова посмотрел на пациента.

— Ты ведь знаешь, что голоса могут казаться совершенно реальными. Мы с тобой об этом говорили. Помнишь, когда ты впервые их услышал?

— Когда темно стало, — забормотал инженер, раскачи-

ваясь вперёд-назад. — Внутри темно. Ни злости, ни тоски. Будто насосом всю чёрную жижу вытянуло. Пусто. Чисто.

Он замолчал.

Пальцы перестали скрести ткань.

— Стёклышко... Тёплое такое. Гладкое. Как щека у ребёнка на морозе.

Антон подался вперёд.

Мышцы спины напряглись. Пульс глухо застучал у виска.

— Флакон, Семён. Ты снова говоришь о нём. Где ты его взял? Кто тебе его дал?

Ковалёв перестал раскачиваться.

Медленно приподняв голову, он посмотрел Антону прямо в глаза и вдруг тонко, дребезжаще захихикал.

— На-а-ашёл! — протянул он, обнажив редкие жёлтые зубы. — Под ногами валялся! Бери — не хочу! Счастье даром, доктор, без рецепта и очереди!

— Куда ты его дел, Семён?

Голос Антона стал жёстче.

— Оставил в квартире? Выбросил? Где он сейчас?

Он услышал собственный тон слишком поздно.

В нём прорвалось то, чего не должно было быть в голосе врача, разговаривающего с больным: нетерпение. Почти жадность.

Смех Ковалёва оборвался.

Ухмылка исчезла с лица, уступив место такому чистому, животному ужасу, что Антон невольно замолчал.

Зрачки Семёна расширились. Взгляд ушёл куда-то мимо врача.

Ковалёв втянул голову в плечи, задрожал всем телом и принялся торопливо креститься дрожащими пальцами.

— Прости... прости, Верочка. Не достану. Не лезь оттуда, ради Христа, не лезь мокрая! Я не скажу ему. Слышишь? Никому не скажу! Там темно, там сыро, лёд на стенках... Прости меня, Господи... прости мя грешного...

На оклики он больше не реагировал.

Антон подождал ещё несколько секунд, затем медленно поднялся. Колени сухо хрустнули в тишине палаты.

Он захлопнул серую картонную папку, одёрнул рукав халата и вышел в коридор.

За спиной лязгнул замок.

На сегодня разговор был окончен.

Но одна фраза Ковалёва продолжала звучать в голове.

Стёклышко... тёплое такое.

К полуночи клиника погрузилась в тяжёлый медикаментозный сон.

За окнами мелкий холодный дождь хлестал по голым веткам старых тополей, превращая стекло в дрожащую пелену.

В коридорах четвёртого отделения пахло хлоркой, казённой едой и въевшейся пылью старых ковровых дорожек. Запах не менялся ни зимой, ни летом.

Антон Андреевич не включал верхний свет в ординаторской. Хватало тусклого зеленоватого пятна от старой на-

стойной лампы. В круге света лежала пухлая стопка историй болезни и стояла кружка растворимого кофе, давно затянувшегося сверху чёрной плёнкой.

На настенных часах было без десяти два.

Ехать домой не хотелось.

Там ждала та же звенящая тишина и собственные шаги в пустой трёхкомнатной квартире.

Савельев с силой потёр переносицу, снял очки в тонкой металлической оправе и вышел в коридор.

Он направился в дальнее, отрезанное от основного шума крыло.

Дежурная медсестра на посту подняла на него слипающиеся глаза. Шевельнула губами, собираясь что-то спросить, но, встретившись с его взглядом, промолчала и снова опустила глаза в журнал.

Шестая палата была одноместной, угловой.

Мать положили сюда сразу.

В тот самый день, когда окончательно рухнул её мир.

В комнате почти не пахло больницей. Воздух сохранял слабый сухой аромат сандалового мыла — Антон покупал его в аптеке через дорогу, упрямо вытесняя привычный больничный запах.

На аккуратно заправленной койке сидела женщина.

Седые, по-стариковски прозрачные волосы были заплетены в жидкую косичку. Она смотрела в тёмный квадрат ночного окна и непрерывно теребила край байкового одеяла в

крупную синюю клетку.

Защипнуть ткань.

Отпустить.

Защипнуть.

Отпустить.

Костяшки на её иссохших руках белели под тонкой кожей.

— Мам, — негромко позвал Антон, опускаясь на табурет рядом с постелью.

Она не отреагировала.

Для неё мир схлопнулся в ледяную чёрную точку в тот тёплый июньский вечер, когда в холодном подвале привокзального морга им с Антоном выкатили каталку.

На ней лежала Светка.

Синие губы. Запавшие глазницы. Точечные следы от дешёвых шприцев на исколотых предплечьях.

После этого мать перестала говорить.

Будто внутри сработал рубильник, отрезав её от мира и запечатав где-то глубоко немой, раздирающий крик.

Этот крик длился уже много лет.

Антон осторожно протянул руку и накрыл её сухую холодную ладонь своими пальцами.

Край одеяла на секунду замер.

Потом пальцы матери снова задвигались.

Защипнуть.

Отпустить.

— Я найду, — почти шёпотом произнёс Антон, взгляды-

ваясь в её застывший профиль. — Слышишь меня? Это не бред. Не сказки больных. Я видел сам. Своими глазами.

Он помолчал.

— Он существует.

Пальцы матери продолжали перебирать ткань.

— Он вытягивает боль. Понимаешь? Нам не нужно много. Только убрать самое острое. Совсем немного. Чтобы отпустило. Чтобы ты наконец смогла вдохнуть.

Женщина не дрогнула.

Выцветшие глаза цвета разбавленного чая по-прежнему смотрели в ночную пустоту за стеклом.

Антон крепче стиснул её кисть.

Под рёбрами заворочалась знакомая глухая ярость на собственное бессилие.

Врач высшей категории. Кандидат наук. Главный врач клиники. Человек, привыкший разбирать чужие психозы по составляющим и годами вытаскивать людей из тьмы безумия.

Но здесь, на скрипучем табурете возле материнской койки, от всех его степеней и регалий не оставалось ничего.

Он снова становился десятилетним мальчишкой, перед которым отец захлопнул дверь, а мать потом годами убивала себя на двух работах, чтобы прокормить детей и купить сыну первый анатомический атлас.

Антон посмотрел на её неподвижный профиль.

Он продолжит поиски, чтобы однажды войти в эту палату,

встретить ясный человеческий взгляд и увидеть, что она его узнала.

Глава 2.

Истоки проклятия. 1726 год.

Земля пахла прелыми корнями, червивой сыростью и остывающим ладаном. Запах стоял в ноздрях густым комом, перебивая даже горький дух полыни у погостной ограды.

Летний зной плавил воздух. Слепням и крупным зеленым мухам не было дела до беды — они с металлическим жужжанием кружили над свежеотесанным крестом, садились на комья рыжей глины и на взмокшие шеи людей.

Деревенские уже медленно расходились. Бабы прятали взгляды под чёрными платками, мужики утирали бороды. В господской вотчине Волковых смерть никого не удивляла, но Лизоньке было всего тринадцать. Только этой весной Прасковья сшила ей первый девичий сарафан.

Лука всё ещё стоял около могилы. Высокий, жилистый, с опущенными плечами, он смотрел на свежий холм невидящими глазами, стискивая в кулаке войлочную шапку.

— Пойдём, Параша, — сипло проговорил он. — Пойдем в избу. Барин к вечеру на покос кликать велел. Нельзя нам тут...

Прасковья не шелохнулась. Она стояла на коленях на сухой дерновине. Серая домотканая юбка насквозь пропиталась рыжей пылью, колени онемели от мелких камней, но боли не было. Грудь сдавливала тяжесть, и каждый вдох давался с трудом.

Лука постоял ещё несколько секунд, неловко переступил с ноги на ногу и побрел прочь. Шаги прошуршали по траве и стихли за скрипнувшей калиткой.

Она осталась одна.

На погосте повисла душная тишина, лишь в бурьяне трещали кузнечики. Черные, растрепавшиеся волосы липли к мокрому лбу.

Прасковья опустила ладонь на свежую землю. Глина под пальцами еще хранила могильный холод глубины.

«Она там. В темноте. Совсем одна».

Перед глазами стояла живая Лизонька — смешливая, тоненькая, прижимающая к груди пучок полевых васильков.

«За что, Господи?»

Воздух не шел в легкие. Ей хотелось одного: чтобы земля расступилась прямо сейчас, приняла ее следом и заглушила рвущую душу боль.

Солнце жгло затылок, но внутри Прасковью колотило. Пальцы, впившиеся в комья могильной глины, не грелись. Память потянула её назад — к началу горькой, подневольной жизни.

Она с самого первого вздоха была чужой среди своих.

Незаконная дочь помещика Павла Дурова и крепостной, умершей от горячки вскоре после родов. Барин признал в смуглой девочке своё чадо и из прихоти растил её не как остальных дворовых: посадил за книги, научил говорить чисто, держать осанку и кланяться, как барышни.

Но вольную так и не дал.

Ульяна Александровна, законная жена Дурова, знала правду и ненавидела Прасковью за само её существование. Стоило мужу уехать — девочку запирали в чулане, таскали за косу, били по лицу увесистыми перстнями.

Прасковья рано усвоила главное правило подневольной жизни: не кричать, не плакать и терпеть, пока хозяйская злоба не иссякнет.

В девятнадцать всё кончилось.

Дуров умер за карточным столом, а уже вечером вдова велела отвести Прасковью на конюшню. Её били вожжами долго, до крови. Убить барыня всё-таки не решилась и приказала продать девку с глаз долой.

Так Прасковья попала к Юрию Спиридоновичу Волкову.

Старый помещик оказался человеком мягким. Разглядев в ней грамотность и хорошее воспитание, он приставил Прасковью к своему осиротевшему внуку Серёже, а позже сосватал за Луку — молчаливого, рукастого парня, разбиравшего вокруг усадьбы яблоневые сады.

Волков помог молодым поставить избу у пруда.

Те годы казались Прасковье чужим, случайно подарен-

ным счастьем.

Первой появилась Лизонька. Она росла смешливая, тоненькая, с мягкой речью и лёгкой поступью. Следом появились Ивашка и Марьюшка. Лука не пил, руки не поднимал, по вечерам строгал из липы птиц, а в избе пахло сушёными травами и ржаным хлебом.

Всё закончилось со смертью старого барина.

Через два года из Парижа вернулся его наследник — Павел.

Толстый, одутловатый, с мутными глазами и гнилым запахом изо рта, он быстро разогнал старых слуг и превратил усадьбу в пьяный вертеп.

Тринадцатилетнюю Лизоньку он заметил в саду на Спас.

Девочка вытянулась, в лице проступила та самая тонкая, некрестьянская порода.

Барин велел забрать её в господские покои — «подавать чай».

Прасковья сразу поняла: будет беда.

А через три дня в полуденной тишине хлопнула дверь их избы. Лизонька ввалилась в сени босая, в разорванной до пояса ситцевой рубаше, с разбитым в кровь лицом и затравленными глазами. Ее трясло крупной дрожью, из искусанных губ рвался беззвучный сип. Не успела Прасковья прижать дочь к груди, как на двор с гиканьем налетели барские псары. Вышибли засов, скрутили девчонку и выволокли в пыль, прямо под копыта барского жеребца.

Павел Волков был пьян и взбешен дерзким побегом «крепостной подстилки».

Расправу он устроил прямо посреди усадебного двора, согнав людей смотреть «науку». Прасковью двое дюжих дворовых держали за заломленные руки, заставляя смотреть. Она рвалась, выла по-звериному, сдирала ногти о барские сапоги, пока барин лично, с налитыми кровью глазами, охаживал привязанную к столбу Лизоньку тяжелым арапником со свинцовой пулей на конце.

Девочка кричала недолго. На десятом ударе тонкое тельце обмякло, повиснув на веревках, как тряпка. Хрустнули ребра. Когда Волков, задыхаясь от одышки, бросил окровавленный кнут на землю, Лизонька уже не дышала.

Прасковья зажмурилась так, что под веками вспыхнули багровые круги.

Прошлое отпустило её.

Она снова лежала на свежей могиле у соснового креста, захлёбываясь горькими, беззвучными рыданиями. Хотелось только одного — чтобы сердце наконец не выдержало этой боли.

Зной понемногу спадал. Тени от берёз и покосившихся крестов вытягивались по земле. Над оврагом поднимался белёсый туман, пахнувший тиной и холодной водой.

Слёз больше не было. Глаза саднило, горло пересохло. Каждый вдох приходилось вырывать из себя через силу.

В деревне уже зажигали лучины. Откуда-то донёсся лай

собак, потом глухой стук топора.

Мир продолжал жить.

Кто-то готовился к ужину. Кто-то собирался утром на покос. Будто ничего не случилось. Будто тринадцатилетнюю девочку не забили до смерти посреди господского двора.

Ни суда, ни расплаты не будет.

Прасковья прижалась щекой к остывающей земле.

— За что?.. — прохрипела она. — Где ж ты, Господи? Куда глядел?

Ответа не было.

Только мошकारа тихо звенела над головой.

Тогда из неё вырвался шёпот:

— Кто-нибудь... Слышите меня? Небесные, подземные... бесы ли, ангелы — всё едино. Заберите эту боль. Вырвите её из меня. Выжгите. Душу заберите, коли иначе нельзя. Только чтоб не болело больше... Не могу...

Голос сорвался.

Голова стала тяжёлой. Мир перед глазами поплыл, и Прасковья рухнула лицом в могильный холм.

Забывье пришло холодом.

Ледяное прикосновение проникло под левую ключицу, и Прасковья вдруг увидела себя сверху — лежащую на рыжей глине у могилы дочери.

Из груди медленно потянулся густой чёрный дым.

Он не растворялся в воздухе.

Клубился, извивался и уходил куда-то в узкое стеклянное

горлышко.

За прозрачными стенками темнота сгущалась всё сильнее.

С каждым новым клубком дыма из Прасковьи уходила боль.

Сначала перестало жечь под рёбрами.

Потом исчезла тоска.

Потом — страх.

А после не осталось ничего.

Она открыла глаза на рассвете.

Роса промочила рубаху и распущенные волосы. Первые лучи солнца пробивались сквозь ветви берёз и ложились на свежий сосновый крест.

Прасковья пошевелилась.

Правая рука была крепко сжата.

Она медленно разжала пальцы.

На ладони лежал флакон.

Увесистый, идеально гранёный, из чистого хрусталя. Грани ловили утренний свет и рассыпали по влажной земле яркие радужные блики. Стекло оказалось неожиданно тёплым.

Ни клейма, ни надписи.

Только плотно притёртая гранёная пробка.

Прасковья поднялась.

Колени больше не ныли. Движения были лёгкими и точными.

Она посмотрела на могильный холм. На сосновый крест.

И прислушалась к себе.

Внутри было тихо.

Не было ни слёз, ни удушья, ни той чёрной муки, которая ещё вчера разрывала её изнутри.

Она знала: под этой землёй лежит Лизонька.

Помнила её смех. Тонкие пальчики. Васильки. Помнила крики во дворе и удары кнута.

Но всё это теперь существовало только в памяти.

Прасковья перекатила увесистый флакон в ладони, спрятала его в глубокий карман юбки и, не оглянувшись на крест, пошла к калитке.

В избе стоял полумрак.

На лавке под образами сидел Лука. Он даже не разулся. Рядом на столе остывал нетронутый чугунок с кашей. Ивашка и Марьюшка забились на печь и сидели там тихо, будто боялись лишний раз вздохнуть.

Прасковья вошла.

Подошла к рукомойнику, смыла с лица кладбищенскую пыль. Сняла чёрный платок, аккуратно сложила его и убрала в сундук. Повязала чистый светлый повойник.

В летнюю пору она обычно растапливала печь спозаранку, пока в избе ещё держалась ночная прохлада. Одной топки хватало, чтобы приготовить еду на весь день. Но сегодня печь так и стояла холодной.

Прасковья подошла к печи и принялась укладывать поленья.

Лука медленно поднял голову.

— Параша?..

Она не обернулась.

— Печь остыла. Детей кормить надо.

Лука встал.

— Ты чего это?

Прасковья подложила под поленья сухую лучину.

— А чего?

Он подошёл ближе и заглянул ей в лицо.

— Лизоньку нашу вчера схоронили.

Прасковья наконец повернулась.

— Помню.

— Так чего ж ты...

Он осёкся.

В её лице не было ничего.

Ни слёз.

Ни злости.

Ни боли.

— Всё помню, Лука, — спокойно сказала она. — И как кричала. И как били. И как землю на домовину бросали.

Лука побледнел.

— А толку плакать? — продолжила Прасковья. — Мёртвого слезами не поднимешь. А живых кормить надо.

Она отвернулась и чиркнула кресалом.

Искры упали на трут.

За спиной тихо всхлипнул Ивашка.

Лука так и остался стоять посреди избы, глядя на жену

так, будто с кладбища вернулась уже не она.

Глава 3.

Золотой мальчик. Сентябрь 2025 года.

Сентябрьское солнце било прямо в панорамные окна кухни, высвечивая на безупречном газоне искры холодной ночной росы. Золотистый ретривер Дэш, радостно посапывая и с глухим стуком колотя пушистым хвостом по паркету прихожей, первым влетел в дом после утренней пробежки.

— Дэш, ну лапы же! Илья, ты опять не вытер ему лапы! — донёсся с кухни голос Ксении, перекрываемый шипением масла на сковороде и ароматом жареного бекона.

— Виновен! Иду смывать грехи! — отозвался Илья уже из глубины первого этажа.

На кухне царил тот особый утренний ритм, где каждая мелочь знала своё место. Семилетний Артём, взъерошенный, в синей пижаме с ракетами, сидел на высоком стуле у обеденного стола, подперев щёку кулаком. Перед ним остывала яичница с румяными ломтиками бекона. Дэш тут же положил палевую морду мальчику прямо на колени, не мигая глядя янтарными глазами.

— Дэш, нельзя, — не глядя на собаку, бросила Ксения, пе-

реворачивая на сковороде кусочки бекона тонкой деревянной лопаткой. — И не смотри на него, Тёма. Со стола не кормить.

Артём выждал секунду, пока мать отвернулась к хромированному рожку кофемашины, и быстро опустил руку, сунув псу под нос хрустящую полоску мяса. Раздался глухой чавк, и мокрый нос пса ткнулся в худую коленку ребёнка.

Через десять минут на пороге кухни появился Илья. На нём была безупречно выглаженная тёмно-синяя хлопковая рубашка, манжеты плотно охватывали запястья, от влажных тёмных волос тянуло кедром и холодным грейпфрутом. Он шагнул к плите, обнял Ксению за талию и коротко прижался губами к тёплой шее.

— Доброе утро, лучшая женщина на свете.

— Подлиза, — Ксения повернула голову, подставляя щеку под ещё один поцелуй. — Завтрак на столе. Своего лохматого нахлебника отгоняй сам.

Илья подмигнул сыну, опустился на стул и, сдвинув брови, протянул руку к тарелке:

— Дэш, фу. Мы приличные люди в приличном доме, — пробормотал он, отправляя под столешницу ещё одну хрустящую полоску. Снизу снова послышалось довольное причмокивание. Артём прыснул в ладонь, а отец негромко бросил ему:

— Мужская солидарность, Тёма. Железный закон.

— Я всё вижу в отражении духовки, между прочим, —

покачала головой Ксения, подвигая к мужу кружку горячего кофе. — Лучше скажи, во сколько будут Макс с Катей? Мясо до вечера простоит?

— Обещали к семи. Катя с утра прислала три сообщения про их фирменный соус. Я ответил: везите всё, включая аппетит.

— И Маринку? — лицо Артёма жалобно вытянулось.

Илья с Ксенией переглянулись и не удержали смех.

Двенадцатилетняя Маринка, дочь Макса и Катерины, была домашним ураганом: самоуверенная, колючая, считавшая своим долгом объяснять младшим устройство мира без всяких скидок.

— А что не так с Маринкой? — Илья сделал глоток горячего кофе. — В прошлый раз она выдала отличную лекцию. Я помню твой взгляд, когда она на яблоках и косточках объясняла, откуда берутся дети и почему аисты — это выдумка рекламщиков.

— Она вредная, — буркнул Артём, расковыривая вилкой дольку помидора. — Сказала, если проглочу арбузную семечку, внутри вырастут корни и разорвут пузо.

— Сегодня только рёбра на гриле, так что корни отменяются, — Илья взъерошил сыну вихры. — К тому же ей будет некогда. Машка подъедет, а я вытащил Мишку из нашего отдела.

Ксения опёрлась бедром о край столешницы, с интересом глядя на мужа:

— Того самого Мишу? Который два месяца ходит с видом оскорблённого мученика? Даже немного жаль его. Наша Маша переломит его пополам за первые двадцать минут.

— Не переломит. Мишка головастый парень, просто зажатый. Ему нужен толчок. Свежий воздух, дым от углей, хорошее сухое вино — и Маша наконец перестанет повторять, что нормальные мужики перевелись.

Илья скользнул взглядом по круглым часам на стене, тихо чертыхнулся и в два больших глотка допил кофе:

— Так, подъём. Тёма, три минуты на чистку зубов и шнурки. Если через пять минут не откроем ворота, ты получишь замечание за опоздание на первый урок, а Дмитрий Александрович снимет с меня скальп прямо на планёрке.

— Сегодня тот самый клиент по загородному клубу? — тихо спросила Ксения, протягивая ему связку ключей от машины.

— Тот самый, — Илья широко улыбнулся той самой спокойной, бронебойной улыбкой, перед которой пасовали самые несговорчивые покупатели. — Воропаев. Старик с каменной челюстью, но я его дожал. Сегодня закрываем сделку. Если подпишет, Ксюш... мы не просто закроем остаток по кредиту за этот дом. К Новому году улетим на океан. Втроём. И Дэшу оформим собачий билет в салон.

Он быстро поцеловал жену в губы, сдёрнул лёгкий пиджак со спинки стула и крикнул в коридор:

— Артём, пошёл отсчёт! Кто последний до гаража — гу-

ляет с собакой под дождём!

В теле звенела чистая, упругая сила. Впереди был ясный день, полный понятных задач, больших денег и твёрдой, несокрушимой уверенности: этот гладкий, выстроенный им мир не даст трещины ни при каких обстоятельствах.

Офис агентства «Вершина» занимал сорок второй этаж одной из стеклянных башен делового квартала. Панорамное остекление в пол, шлифованный бетон, натянутая чёрная кожа диванов и ровный, глухой шелест приточной вентиляции. В воздухе смешивались запахи дорогого кофе и свежей полиграфии. Всё здесь говорило о больших деньгах.

На утренней летучке в просторной переговорной солировал Илья. Он стоял у интерактивной панели в расстёгнутом тёмно-синем пиджаке, держа стилус, как дирижёрскую палочку.

— Дмитрий Александрович, Воропаев уже наш, вопрос решён, — легко бросил Илья, глядя на генерального. — Старик просто любит, чтобы вокруг него поплясали с бубном. Я изучил его повадки: сухого официоза не терпит, уважает напор и конкретику. В четырнадцать ноль-ноль встречаемся прямо на объекте в «Речных дачах». Сосны, река, глушь. Я подсовываю акт, он ставит закорючку — и пять процентов агентских падают нам на счёт.

Дмитрий Александрович, грузный мужчина с выверенной седой эспаньолкой, довольно прищурился и стукнул массивной золотой ручкой по стеклу стола:

— Вот. Учитесь, господа. Человек берёт объект любой сложности и закрывает вопрос без лишних сантиментов. Соловьёв — локомотив нашего отдела.

Взгляд директора тут же потяжелел и упёрся в дальний угол стола, где вжавшись в кресло сидела Даша — молодая сотрудница агентства.

— А вы, Дарья, сорвали предварительный договор по пентхаусу на Набережной. Клиент ушёл к конкурентам. Из-за вашей вялости и соплей фирма потеряла крупные комиссионные. Если не держите удар — идите в архив перекладывать бумажки, а в премиальном сегменте вам делать нечего!

Нижняя губа девушки мелко дёрнулась. На глаза навернулись слёзы. Не выдержав направленных на неё осуждающих взглядов, она схватила блокнот, с грохотом отодвинула кресло и выскочила в коридор.

— Продолжаем, — отрезал директор, не повернув головы.

Через полчаса, когда планёрка свернулась, Илья в отличном настроении вышел к кофе-пойнту. Даша сидела на низком пуфе в лаунж-зоне, уткнувшись лицом в ладони. Плечи под серым жакетом мелко подрагивали. Рядом хлопотала Алёна из бухгалтерии, протягивая ей стаканчик с водой:

— Ну тише, Даш... Шеф на взводе просто, отойдёт...

Илья подошёл сзади, небрежно опустив ладонь девушке на плечо:

— Даш, ну ты чего расклеилась? Брось. Слёзы счёт в банке не пополнят. Хочешь совет? Запишись на нормальный

интенсив. Сейчас полно таких... коучей по переговорам и жёстким продажам. Поставят голос, научат смотреть в глаза — и никакой клиент не соскочит. Дело техники!

Даша подняла мокрое, пятнистое лицо. В её взгляде плеснула такая неприкрытая, злая обида, что Алёна скривилась. Но Илья лишь ободряюще щёлкнул пальцами и зашагал через опенспейс.

Возле принтера дорогу ему перекрыл Михаил. Он держал толстую стопку проектных экспликаций и смотрел исподлобья.

— Мих, ты чего такой кислый? — Илья шутливо толкнул коллегу кулаком в плечо. — Про вечер помнишь? В семь у меня. Рёбрышки уже замаринованы, пиво и вино в холодильнике. И главное — Ксюха вытащила Машку. Девчонка огонь: голова на месте, с чувством юмора, фигура точёная. Тебе давно пора ожить, а то сидишь над бумагами как сыч в дупле.

— Помню я, Илья, спасибо, — глухо отозвался Миша, поправив пластиковую оправу. Он замялся, покосился на стеклянную перегородку и сбавил голос до шёпота: — Слушай... ты зря так с Дашкой. Жёстко вышло.

— Жёстко? — Илья искренне вскинул брови. — Я ей дельный расклад дал. Шеф по факту сказал: в нашем деле мямлить нельзя, сомнут.

— У неё бабушка позавчера умерла, Илья. Она две ночи не спала, вчера только с кладбища. А покупатель по Набе-

режной — самодур, за сутки три раза условия переписывал. На девчонку всё сразу свалилось, а тут ещё шеф при всём отделе в грязь втоптал...

Илья на секунду замер, а потом коротко усмехнулся:

— Мих, ну хорош. Бабушке сколько было? Девяносто три? Она сама на прошлой неделе хвасталась. Девяносто три года! Чего ещё ждать? Прожила век, небо покоптила — пора и честь знать, биология. Все там окажемся, чего трагедию раздувать? А бизнес есть бизнес. Умела бы Дашка зубы показывать — клиент бы сидел смирно. Так что втык абсолютно рабочий, пусть взрослеет.

Михаил посмотрел на него суровым, долгим взглядом. Словно за дорогой одеждой и уверенной улыбкой впервые разглядел полное равнодушие. Не проронив ни звука, он развернулся и пошёл к своему столу.

Илья лишь покачал головой, списывая всё на чужую раскисшую сентиментальность.

Он захлопнул папку с договором, спустился на лифте в подземный паркинг, сел в свой электрокроссовер и выкатил на залитый полуденным солнцем проспект. На панели приборов горело начало первого. До встречи с Воропаевым осталось без малого два часа — вагон времени.

По дороге за город, у самого съезда на развязку, Илья свернул к ярко-зелёной брендовой заправке. Смартфон сел до критических пяти процентов, да и горло пересохло: хотелось бросить на сиденье ледяную жестяную банку с колой и

закинуть за щёку привычный мятный леденец.

Внутри торгового зала пахло ванильной выпечкой, разогретым фритюром и молотой арабикой. За кассой стояла молоденькая дежурная в форменной зелёной кепке.

— Здравствуйте! Кофе, хот-дог на гриле? — механически улыбнулась она.

— Только банку колы без сахара и вашу обаятельную улыбку, — на автопилоте выдал Илья фирменную лёгкость, вытаскивая тонкий кожаный картхолдер. — У меня через час сделка года, нужен стопроцентный заряд фарта от красивой девушки...

И вдруг сердце сбилось.

Он замолчал.

Сначала показалось, что просто перехватило дыхание.

Потом сердце ударило снова — слишком сильно, неровно.

И ещё раз.

Илья вдохнул, но воздуха не хватило.

В груди стало тесно.

Он положил ладонь на прилавок.

— Мужчина?

Голос девушки вдруг оказался далеко.

Перед глазами поплыли тёмные пятна.

— Вам плохо?

Илья хотел ответить.

Не смог.

Пальцы соскользнули с края стойки.

Пол ушёл из-под ног.

Последнее, что он услышал, — металлический звон упавшей банки.

Тяжёлая, глухая тьма захлопнулась над ним в ту же секунду.

Он вынырнул на поверхность рывком — так тонущего выдёргивают за шкуру из ледяной полыни.

В ноздри ударил резкий запах спирта, лежалых простыней и хлорки. Потолок над головой был чужим: серые гипсовые плиты в мелкую паутину трещин, тусклый плафон дежурного света. За широким окном без штор стояли плотные синие сумерки.

— Илюша... Боже мой, Илюшенька!

Над ним возникло заплаканное, бледное лицо Ксении. Глаза её опухли от слёз, тушь размазалась по нижним векам чёрными потёками. Она до боли стискивала его онемевшую ладонь. На ней был домашний вязаный кардиган, надетый прямо поверх футболки — сорвалась из дома, бросив всё.

— Ксюх... — голос Ильи хрустнул пересохшим деревом. Во рту стоял кислый металлический привкус. — Где я?.. Сколько времени?..

— В кардиологии, родной. Врач сказал, была серьёзная аритмия. Давление очень высокое. Тебе повезло, что помощь приехала быстро. Господи, как же ты напугал меня...

В затуманенной голове что-то тревожно щёлкнуло.

Заправка. Кафель. Встреча.

— Телефон... где телефон?! — Илья дёрнулся вперёд, пытаясь оторвать спину от жёсткого матраса, но тело тут же придавило липкой немощью.

Ксения торопливо вытащила из кармана его смартфон и вложила в непослушные пальцы. Экран ослепил ярким светом.

Сорок три пропущенных. Дмитрий Александрович. Секретарь из приёмной Воропаева. Офис. Снова шеф.

И последнее сообщение в мессенджере. Время отправки — 14:40. Отправитель: Марк Семёнович Воропаев.

«Презентации не будет, договора тоже.»

Илья неподвижно смотрел на чёрный текст на белом фоне. Внутри, в самом центре груди, разливалась паника.

Сделка провалилась. Идеальный, безупречно выстроенный мир дал глубокую трещину.

Глава 4.

Крушение надежд. Июнь 2010 года.

Июньский вечер в старом заводском районе пах влажным асфальтом и разогретым солнцем рубероидом гаражей. Над тротуарами кружился тополиный пух. Антон взлетел на четвёртый этаж панельной пятиэтажки через две ступеньки, едва не забыв ключи в замочной скважине.

В прихожей пахло праздником — тем редким, почти забытым запахом, который появлялся здесь от силы пару раз в год: жареная курица с чесноком и пирог с корицей.

— Мам, я дома! — крикнул Антон, сбрасывая стоптанные туфли.

В свои двадцать четыре года он чувствовал себя непобедимым. Шесть лет каторги: ночные разгрузки вагонов, точные дежурства санитаром в гнойной хирургии, конспекты в метро, литры дешёвого кофе. И всё позади. Завтра — актовый зал, мантия и тиснённые золотом буквы на тёмно-бордовой корочке.

На порог кухни вышла Юлия Владимировна. Ей едва исполнилось сорок пять, но в седеющих волосах, собранных в

аккуратный узел, и глубоких тенях под глазами читалась тяжесть целой прожитой жизни. Руки — тонкие, с узловатыми пальцами и вьевшимися следами щёлочи от бесконечных стирок — она машинально вытирала о цветастый ситцевый фартук. Лицо её, бледное и осунувшееся от постоянной изнуряющей слабости, сейчас освещала робкая, светлая улыбка.

— Мой руки, отличник, — негромко, чуть хрипловато сказала она, и в её глазах блеснуло тепло. — Всё остынет.

Квартира была пугающе пустой и чистой. Ни одной лишней вещи на полированной советской стенке, выцветшие, но тщательно подклеенные обои. Комната Светки в конце коридора стояла запертой уже больше полугода — с тех пор, как сестра окончательно пропала из дома, появляясь лишь изредка, чтобы выклянчить денег или украсть что-нибудь мало-мальски пригодное для продажи. Об этом старались не говорить. Это была огромная, гноящаяся рана, которую молча обходили стороной.

Стол на маленькой кухне был накрыт с трогательной бережливостью: пара хрустальных фужеров, сбережённых ещё со времён свадьбы с отцом, запечённая курица с золотистой корочкой и кривоватый, но пахнущий корицей пирог.

— Мам, я решил, — Антон с аппетитом принялся за пюре, оживлённо жестикулируя вилкой. — Профессор Орлов сегодня лично подошёл на кафедре. Сказал, что с моими оценками и статьями по фармакологии у меня все шансы по-

пасть к нему в ординатуру по кардиологии. В Первой городской, мам! Понимаешь? Там мощнейшая база, кафедральные палаты, новейшее оборудование. А после ординатуры начну нормально зарабатывать. Квартиру отремонтируем, в санаторий тебя отправлю подлечить суставы...

Юлия Владимировна сидела напротив, подперев щеку ладонью, и почти не притрагивалась к еде. Она просто смотрела на сына — взрослого, широкоплечего, с упрямым подбородком.

— Кардиолог... — тихо, будто пробуя слово на вкус, повторила она. — Серьёзный доктор. Господи, Антоша... Сколько ты не спал ради этого. Отец бы...

Она осеклась, виновато опустил глаза, но Антон лишь отмахнулся:

— Плевать на него, мам. Главное — мы выкарабкались. Зарплата там очень приличная. Ты уволишься из прачечной. Подлечим тебя, а осенью в санаторий поедешь...

Старый дисковый телефон в коридоре зазвонил резко, противно дребезжа металлом о металл.

Звук разрезал уютную тишину кухни, как скальпель. Мать вздрогнула всем телом. В таких домах поздние звонки никогда не приносили хороших вестей.

— Сиди, я сниму, — Антон поднялся из-за стола, но Юлия Владимировна уже торопливо зашаркала в прихожую: — Нет, нет, я сама... Вдруг это с фабрики...

Антон улыбнулся, отламывая тёплый кусок пирога. Из ко-

ридора донеслось тихое материнское: «Алло? Да... да, я слушаю».

А потом наступила тишина. Не просто пауза в разговоре — воздух словно выкачали насосом.

Послышался глухой пластиковый стук: синяя трубка выпала из пальцев матери и повисла на витом шнуре, мерно покачиваясь и ударяясь о побелку стены.

— Мам? — Антон шагнул в коридор.

Юлия Владимировна стояла, прижавшись спиной к косяку. Она стояла с широко раскрытыми глазами, глядя перед собой. Губы побелели, мелко подрагивая, но из горла не доносилось ни звука — только свистящий, сиплый выдох.

Антон перехватил висящую трубку, прижал к уху:

— Слушаю! Кто говорит?!

— Дежурный врач токсикологического отделения Второй городской, — донёсся казённый голос на том конце провода. — Гражданка Савельева Светлана Андреевна, девяностого года рождения, вам кем приходится?

— Сестра... — у Антона перехватило дыхание. — Что с ней?

— Доставили полтора часа назад с теплотрассы у вокзала. Предположительно передозировка опиатами, осложнённая отёком лёгких. Несмотря на реанимационные мероприятия, спасти её не удалось. Смерть констатировали в девятнадцать двадцать. Вам необходимо приехать на опознание с документами в отделение судебно-медицинской экспертизы.

Короткие гудки ударили в барабанную перепонку частыми выстрелами.

В подвальном помещении морга судебно-медицинской экспертизы пахло формалином, сыростью и лежалым мясом. Этот запах оседал на нёбе маслянистой плёнкой и въедался в одежду за секунды.

Санитар в сером клеёнчатом фартуке с нескрываемым раздражением дёрнул за ручку массивную заслонку холодильной камеры. С противным скрежетом выдвинулся металлический поддон.

— Смотрите, — буркнул он, небрежно сдёргивая простыню до уровня ключиц.

Светка.

Ей было всего двадцать. Но под тусклым светом мигающей люминесцентной трубки лежало серое, восковое лицо глубокой старухи. Провалившиеся щёки, посиневшие, запёкшиеся губы, спутанные колтуны грязных волос. Руки Светланы лежали поверх простыни, безвольно вытянутые вдоль тела. На сгибах локтей темнели следы старых воспалённых инъекций.

Антон оцепенел. В грудной клетке что-то оборвалось с сухим треском. Мысли о завтрашнем красном дипломе, интернатуре и будущей кафедре осыпались мелким серым пеплом.

— Это ошибка... — шёпотом выговорила Юлия Владимировна. Голос её прозвучал неестественно тонко, по-детски ломко. — Антошенька, скажи ему. Это ведь не Света. У

Светки ямочка на щеке... Она в школу ушла, у неё фартук неглаженный...

— Мам... мама, не надо, пойдём отсюда, — Антон попытался перехватить мать под локоть и увести к выходу, но её тело внезапно налилось чугуном.

Она сделала шаг к поддону, протянула иссохшую руку и прижала ладонь к ледяному лбу дочери.

В ту же секунду Юлия Владимировна замерла.

Она не закричала. Не заплакала. Не осела на кафельный пол. Её взгляд просто застыл в одной точке на облупленной стене морга. Лицо превратилось в неподвижную гипсовую маску.

— Мама? — позвал Антон, и в его голосе впервые прорезалась паника. — Мам, посмотри на меня!

Она не мигала.

— Мам!

Антон взял её за плечи. Никакой реакции.

Санитар подошёл с другой стороны, осторожно коснулся локтя женщины.

— Гражданочка, вы меня слышите?

Юлия Владимировна не ответила.

Пальцы правой руки так и оставались полусогнутыми перед грудью. Дыхание было неглубоким, ровным. Она словно всё ещё стояла рядом с ними — и одновременно уже находилась где-то бесконечно далеко.

Антон вызвал скорую прямо из морга. Пока врачи осмат-

ривали неподвижную женщину, он стоял у двери, всё ещё не выпуская из рук её сумку.

Спустя три часа приёмный покой Городской клинической психиатрической больницы № 3 имени академика Скворцова встретил Антона мутным синим светом плафонов и лязгом запираемых дверей.

Дежурный психиатр — грузный седой врач в мятом халате с оторванной пуговицей — молча осмотрел Юлию Владимировну.

Задал несколько вопросов.

Она не ответила ни на один.

Он осторожно приподнял её правое предплечье. Мышцы ответили лёгким, ровным сопротивлением. Врач изменил положение руки и отпустил. Несколько секунд она оставалась именно так, как он её оставил.

Психиатр нахмурился.

— Ступор. Мутизм. Есть кататонические симптомы, — произнёс он наконец и повернулся к медсестре. — В шестую надзорную. Давление, пульс, сатурацию контролировать. Диазепам внутривенно. Анализы, ЭКГ, утром невролог и заведующий.

Антон шагнул ближе.

— Это кататония?

Врач посмотрел на него внимательнее.

— Похоже. Но сейчас я окончательный диагноз ставить не буду. После такого стресса причин может быть несколько.

— Она выйдет из этого?

— Не знаю.

Ответ прозвучал слишком просто.

— Состояние тяжёлое. Посмотрим, как отреагирует на терапию и что покажет обследование. Прогнозов в первые часы никто вам не даст.

Он заметил выражение лица Антона и чуть смягчился:

— Вы медик?

— Завтра диплом получаю.

— Тогда тем более понимаете: сейчас главное — наблюдение и лечение. Остальное потом.

Антон стоял у выкрашенной серой краской стены, сжимая в кармане куртки свой студенческий билет. Тонкий картон с тиснением больше ничего не значил.

Через полчаса он вышел на крыльцо главного корпуса. Вокруг мягко шумели вековые сосны, отгораживая больничный забор от остального города. Ночной воздух был чист и свеж, но лёгкие отказывались его принимать. Антон задыхался.

Он вернулся в пустую квартиру пешком. Сквозь спящий город, по пустым улицам, чувствуя, как под подошвами крошится остывший асфальт.

На кухонном столе всё так же стояли хрустальные фужеры. Остывшая курица подёрнулась мутным белёсым жиром, а недоеденный кусок праздничного пирога сиротливо темнел на ситцевой скатерти напоминанием о прошлой жизни,

которая оборвалась ровно в девятнадцать двадцать.

Часы-ходики отсчитывали секунды с монотонным, издевательским стуком.

Антон сидел на деревянном табурете, не снимая ветровки, и смотрел на пустой мамин стул.

Первый шок схлынул, оставив внутри выжженную пустоту.

Кардиология, чистые кабинеты, кафедра, спокойная обеспеченная жизнь — всё это обернулось в прах.

Он не знал, сколько продлится состояние матери: сутки, неделю, месяцы.

Знал другое.

Длительная неподвижность опасна сама по себе: обезвоживание, тромбозы, инфекции, пролежни. За ней придётся следить, кормить, переворачивать, лечить. И никто сейчас не мог сказать ему, когда — и вернётся ли вообще — прежняя Юлия Владимировна.

Антон поднял голову и встретил в чёрном оконном стекле собственное отражение. Взгляд был острым и твёрдым, как стальное лезвие.

Он не пойдёт в Первую городскую.

Он пойдёт в «Скворцовку».

Профессор Лебедев, читавший им лекции на пятом курсе, ещё зимой предлагал Савельеву подумать о психиатрии, отмечая его бульдожью хватку и редкую невосприимчивость к чужой истерике. Тогда Антон лишь отмахнулся, мечтая о

кардиологии, сложной диагностике и работе в сильном клиническом отделении.

Теперь выбора для себя он не видел.

Если никто не может сказать, что происходит с матерью, он сам будет искать ответ.

Утренняя церемония вручения дипломов в актовом зале прошла без лучшего студента потока.

Вместо выглаженного костюма Антон натянул засаленную штормовку и шагнул в липкий ад похоронной бюрократии. Следующие дни сжались в череду унижительных очередей: получить после судебно-медицинского исследования медицинское свидетельство о смерти, зарегистрировать смерть в ЗАГСе, добраться до кладбищенской конторы, сбить цену на самый простой дощатый гроб, обитый дешёвым ситцем, и выгрести до последней монеты заначку, отложенную на выпускной.

Вечером он обзвонил скудную родню. Разговоры вышли короткими и злыми: тётка из Саратова сослалась на скачущее давление и бросила трубку, а двоюродный дядя сухо буркнул дежурные слова и посоветовал не тратиться на поминки — мол, наркоманка сама нашла свой угол под забором.

Ночью Антон рухнул на продавленный диван прямо в одежде. Сон пришёл мутный, душный. Снова снился отец: тот стоял посреди кухни, сжимал разбитую кружку, повторяя свою матерную присказку и скалился в темноту. Антон

рвался ударить его, но ноги налились чугуном, а из стиснутой глотки рвался лишь свистящий сип.

Похороны Светланы длились не дольше двадцати минут. Кроме Антона, на самом краю глинистого сектора стояли два хмурых могильщика с забитыми землёй лопатами. Священник пробубнил заупокойную скороговоркой, рыжие комья глины забарабанили по сосновой крышке, и холм сравнивали с жухлой травой.

На следующее утро Антон толкнул дверь институтского деканата. Секретарша поджала тонкие губы, собираясь выдать отповедь за прогул официальной части, но наткнулась на его ввалившиеся, налитые кровью глаза и молча пододвинула тёмно-бордовую корочку.

Через сорок минут Савельев уже шагал по разбитому асфальту больничной аллеи. Вековые сосны качали зелёными кронами, а за зарешечёнными окнами двухэтажных кирпичных корпусов стояло немое, запечатанное безумие.

В кабинете профессора Лебедева вдоль стен теснились пыльные стеллажи. Сам Виктор Сергеевич — сухопарый, жилистый старик с аккуратной седой бородой — снял тяжёлые роговые очки и окинул вошедшего острым взглядом.

— Савельев? — Лебедев нахмурил костистый лоб. — А мне уже доложили, что ты с концами уходишь к кардиологам. Что с лицом, Антон?

Антон опустился на скрипнувший стул и припечатал диплом к полированному краю стола:

— Виктор Сергеевич, я меняю специализацию. Я иду в интернатуру по психиатрии. К вам.

Старик помолчал, пристально вглядываясь в серое лицо парня. До него уже дошли новости из приёмного покоя.

— Из-за матери?

— Из-за неё, — отрезал Антон, не отводя глаз. — Я видел, что с ней произошло и не оставлю её на чужих руках. Возьмите меня в интернатуру. Буду брать любые дежурства, самых тяжёлых больных. Но я должен быть здесь и понять, как вытащить её обратно.

Лебедев снял очки, положил их на стол.

— А если не вытащишь?

Антон промолчал.

Профессор поднялся, медленно подошёл к окну и заложил узловатые пальцы за спину.

— Психиатрия — наука беспощадная, Антон. Здесь нельзя лечить собственную семью и ждать, что одной воли хватит на всё. Перегоришь за полгода — сам помощи попросишь.

— Не перегорю, — голос Савельева резанул металлом. — Я смогу, всё смогу... Но мать не оставлю.

Лебедев повернулся и долго смотрел на него.

— Хорошо. Подавай документы в интернатуру. Место у меня есть. С кафедрой и кадрами я поговорю.

Антон впервые за всё утро чуть разжал пальцы.

— Спасибо, Виктор Сергеевич.

— Не благодари. И не думай, что я делаю тебе одолжение.

Если придёшь ко мне, поблажек не будет. Здесь ты будешь врачом, а не сыном пациентки.

— Понял.

— Вот и хорошо. Оформляй документы. А к матери сегодня сходи как родственник. Это пока всё, что ты можешь для неё сделать.

Дверь за Антоном захлопнулась с коротким щелчком.

Начиналась новая жизнь: среди накрахмаленных халатов, кислого запаха хлорамина и гулких коридоров, где человеческий рассудок угасал день за днём.

Глава 5.

Слепота разума. 1728 год.

Ключи на кованом кольце звенели глухо, веско, оттягивая пояс из плотного сукна. Два года назад Прасковья месила лаптями глину у овина, а нынче под подошвами её сафьяновых башмаков скрипели натёртые воском половицы господского дома.

Она стала экономкой.

Барин Павел Волков, протрезвев после очередного недельного угара, быстро смекнул: барская казна тает, дворовые тащат всё, что не приколочено, а грамотная баба с безупречной выправкой и цепким умом отца-помещика — находка редкая.

Прасковья держала амбары на железных засовах, вела приходно-расходные книги ровным бисерным почерком и ни на вершок не отступала от порядка.

О смерти Лизоньки Прасковья помнила, но теперь это воспоминание не причиняло ей боли. В памяти осталась лишь голая, пыльная запись: была дочка, померла, закопали у погостной ограды.

Ни страха, ни холода под сердцем, ни ненависти к хозяину.

Чувство опасности, которое веками спасало дворовых от барской расправы, у Прасковьи словно ампутировали начисто. Для неё Павел Волков был просто господином, распоряжения которого следовало исполнять точно и в срок.

А барин свирепствовал пуще прежнего.

Вернувшись из Парижа с просаженными карманами, Волков устроил в отцовском имении форменное побоище. Попойки с друзьями не стихали неделями: в зале гремела кривая крепостная музыка, визжали дворовые девки, которых затаскивали на бильярдные столы прямо в разгар картёжной игры, а наутро конюхи выносили из комнат блевотину вперемешку с битым заморским хрусталём.

Крепостных за малейшую провинность секли до костей. Прошлым летом барин в пьяном раже велел травить борзыми старого пастуха, недоглядевшего за жеребёнком, а дворовую девку Акулину засекли насмерть на конюшне только за то, что подала суп без перечницы.

Вся усадьба жила в непрекращающемся ужасе, вздрагивая от каждого стука барского сапога.

Все — кроме Прасковьи.

Она входила в барские покои спокойно, не опуская глаз, словно забыла, что хозяина следует бояться.

И Волков, чувствуя эту странную, почти потустороннюю бесстрастность, зверя на неё не спускал.

Ценил.

Единственным, с кем Прасковья свела в доме короткую дружбу, был дядька Ермолай — личный барский камердинер.

Сухощавый, вертлявый мужик лет пятидесяти, с хитрыми мышиными глазками и седой щетиной на круглом подбородке, Ермолай служил ещё покойному Юрию Спиридоновичу. Он умел ходить по барским коврам бесшумно, как кот, знал все повадки хозяина и успевал увернуться от летящей в лоб тяжёлой серебряной супницы за мгновение до удара.

Ермолай жил сытно. Ходил в барских обносках — немецких камзолах с чужого плеча, подогнанных под его шуплую фигуру, от него пахло заморским табаком и пудрой.

И, главное, дядька виртуозно, без малейшего зазрения совести воровал.

Вечерами они сходились в экономской каморке за медным чайником. Ермолай доставал из широких складок штанов то склянку с остатками ароматной воды, то лоскут парчи от распоротого барского кунтуша, то початую бутылку венгерского с сорванной сургучной печатью.

— Ты гляди, Параша, вино-то густое, как смола, — шурился Ермолай, причмокивая языком и подливая рубиновую жидкость в чашку. — Сам барин намедни полштофа не допил, с девкой на ковёр рухнул. А добро пропадать не должно. Ты на меня в книгу бочку не пиши, а я тебе отрез голландского полотна из комода выправлю. На рубаху сгодится.

Прасковья спокойно отпивала терпкое сладковатое вино, глядя на вороватого старика прямым, безучастным взглядом.

— Полотно возьму. В книге спишу на моль в сундуках.

— Вот и ладно, вот и сговорились, — ухмылялся дядька, вытирая бороду рукавом расшитого барского кафтана. — Ты баба умная, не то что наши дуры подзаборные. Понимаешь, где шерсть стричь надо. Главное — под горячую руку Павлу Юрьевичу не соваться, покуда он не опохмелился. Зверь ведь, чистый людоед. Вчера конюшонка Микитку чуть заживо в землю не закопал за то, что хомут не начищен. Еле отмолили.

Прасковья опустила чашку на деревянную подставку. Звук вышел глухим.

— Барин строг, да по делу, — бесстрастно уронила она, и в её тёмных глазах не промелькнуло даже тени воспоминания о том, как под господским кнутом два года назад хрустели рёбра её старшей дочери. — Меньше лениться станут — живее будут.

Ермолай на секунду поперхнулся вином, ошарашенно покосился на неё, но тут же опустил глаза в чашку.

Спорить с экономкой, у которой вместо сердца стучал гладкий голыш, ему не хотелось.

В избе у пруда пахло прелым банным веником, дёгтем и кислой капустой.

Лука сидел у волокового оконца, зачищая ножом липовую

плашку. За два года он ссутулился ещё сильнее, в чёрной бороде пролегла широкая седая полоса, а взгляд стал тяжелее.

Прасковья перешагнула порог, аккуратно поставила к лавке туфли, переобулась в мягкие коты и положила на чистую холщовую скатерть свёрток с остатками барской телятины и две восковые свечи.

Лука даже не поднял головы. Нож в его руке срезал щепу с сухим хрустом.

— Опять с барского стола объедки таскаешь, — прохрипел он, глядя в окно. — Земля под ногами от крови стонет, девок на конюшне вожжами дерут до мяса, а ты у него с рук кормишься. Словно и не было ничего. Словно не он...

Он осёкся, не в силах выговорить имя Лизоньки. Горло свело судорогой.

Прасковья подошла ближе, развязала платок. Лицо её оставалось спокойным, чистым, гладким — ни тени обиды, ни упрёка.

— Не я эти порядки заводила, Лука, не мне их ломать, — размеренно заговорила она, доставая глиняную миску. — Оттого, что ты зубами скрипишь да липу строгаешь, барин свирепствовать не перестанет. Пойдёшь с топором на крыльцо — тебя на том же столбе и вздёрнут, а детей по миру пустят. Я не очерствела. Я на два шага вперёд гляжу.

Лука замер. Нож застыл над деревяшкой.

— О чём ты глядишь?

— О живых. — Она посмотрела ему прямо в глаза. Взгляд

был ясный, трезвый, без единой трещинки. — Марьюшка подрастает. Лицом покойную сестру напоминает. Скоро барин её приметит — и снова начнётся. Потому я сговорюсь с экономом из Заречья: отдадим Марью замуж в дальнюю деревню, за тридцать вёрст отсюда. С глаз долой, в чужую вотчину. Барин и не вспомнит. А Ивашка к деревьям лнёт, как ты. Рука у мальчика лёгкая, яблони чует. Я Павлу Юрьевичу шепну, пока он в добром духе будет: продай, мол, сопливого Авдотье Серовой. Она помещица тихая, набожная, сады разводит, крепостных не увечит. Выживут дети, Лука. Если умом двигать, а не нутром яриться.

Лука долго смотрел на жену.

В её словах не было бабьей слабости — только трезвый расчёт.

Он медленно выдохнул сквозь зубы, плечи его чуть опустились.

— Рассудила... — глухо уронил он, опуская нож. — Твоя правда. О детях думать надо.

Спустя три дня Прасковья вернулась из усадьбы засветло. Солнце ещё висело над верхушками раkit, окрашивая озёрную гладь в цвет сырого мяса.

Она скинула суконную накидку, достала из печи чугунок и буднично, тем же тоном, каким говорят о скисшем молоке, бросила в полумрак избы:

— Оксанку, горничную меньшую, барин с приятелем своим, майором, до смерти забили. Ночью в карты играли, пере-

пились. Девка графин с наливкой обронила на ковёр. Майор за шпагу схватился, а Павел Юрьевич подсвечником медным по виску приложил. Поутру псари на скотомогильник в овраг снесли.

Лука выронил деревянную ложку. Она с сухим стуком ударилась о половицу. Ивашка на лавке испуганно втянул голову в плечи.

Мужик медленно поднялся. Жилистые руки сжались в кулаки так, что побелели костяшки, вены на шее вздулись багровыми жгутами.

— Хватит! — рыкнул он, шагнув к столу. Дыхание его вырывалось тяжёлыми, рваными толчками. — Всё, Параша! Край! Терпелка лопнула! Не скоты мы, чтоб нас подсвечниками забивали да в овраги выкидывали!

Прасковья не вздрогнула. Спокойно подобрала ложку, вытерла её подолом фартука.

— Мужики на бунт пойдут? Солдат кликнут, посекут всех.

— Не на бунт! — Лука наклонился к самому её лицу, понизив голос до яростного шипения. — Бумагу пишем. Челобитную в Москву, в самую Юстиц-коллегию! Всё распишем: и девок, и пастуха, и Акулину, и Лизоньку нашу... Всех до единой души помянем! Через неделю к барину гость придет из столицы, графский секретарь. А у него в услужении Прошка мой, брат меньшей. Прошка бумагу за пазуху спрячет, в Москву свезёт и прямо в коллегию подаст. Коли смер-

тоубийства докажут, может, и имение под опеку возьмут. А Павлу Юрьевичу тогда уже не отвертеться.

Он осёкся, прерывисто дыша.

— Да одна беда: мужики все неграмотные. А поп наш, отец Варсонофий, от барина сыт, с ним за одним столом брагу глушит. Он челобитную сразу Волкову снесёт — и нам всем петля.

Прасковья смотрела на трясущегося от ярости мужа совершенно неподвижными глазами.

В рассуждениях Луки Прасковья впервые увидела понятный ей порядок.

Закон против беззакония.

Приход и расход человеческих жизней.

— Не надо попа, — ровно произнесла она, заправляя выбившуюся тёмную прядь под повойник. — Бумага хорошая, плотная, голландская у меня в каморке припасена. Чернила и гусиное перо из барского кабинета выправлю. Садись к лучине, Лука. Говори по порядку: имена, лета, за что засекли и какого числа. Я сама напишу.

Столичный гость прикатил в пыльной дорожной карете на четвёрке вороных.

Важный, напудренный господин в синем суконном кафтане сошёл на крыльцо, морщась от тряски, и тут же потребовал лекаря: на дороге его прихватила жестокая колика.

Встреча братьев пошла прахом.

Прохор, слуга гостя, не отходил от постели господина ни

на шаг: грел кирпичи, подавал ромашковый отвар и менял простыни. Выскользнуть к бане у пруда, где его полночи прождал Лука, он так и не смог.

Поутру в господской кладовой пахло залежалой корицей и сырым сахаром. Прасковья отмеряла на медных весах фунт соли, когда в дверь просунулась хитрая седая голова Ермолая.

— Чего надутая с рассвета, Параша? — дядька заговорщически подмигнул и скользнул бочком к полке с наливками. — Али гости не угодили? Барин с москвичом заперлись, винца требуют.

Утратив вместе с болью природную крестьянскую скрытность и спасительный страх, Прасковья пожала плечами и сухо обронила:

— Прощка всю ночь у постели своего господина проторчал. Не вышел к Луке. Пропало дело.

Ермолай замер с бутылкой в руке. Маленькие мышинные глазки метнулись к её лицу.

— Какое ещё дело? Чего им ночью впотьмах шептаться, чай, не бабы? День-другой переждут, гость не уедет. Чего так убиваться?

— Бумагу надо было в Москву свезти, — с ровной простотой ответила Прасковья, насыпая соль в холщовый мешок. — Челобитную мужики составили на Павла Юрьевича. В самую Юстиц-коллегию, про все его смертоубийства. Прохор должен был за пазухой спрятать, да не вышло.

Бутыль в руках Ермолая глухо стукнула о доску полки.

Дядька побледнел, кадык на худой шее дёрнулся. Он медленно подобрал полы камзола и, не сказав ни слова, бочком выкатился из кладовой.

Не прошло и получаса, как усадебный двор взорвался топотом сапог и псарным лаем.

Шестеро дюжих дворовых влетели в избу у пруда, вышибив дверь с петель.

Они перерыли всё.

Выворотили сундук, распороли ножами тюфяк, отодрали доски у стены, перевернули лавки. Наконец из-за балки вытащили свёрнутую плотную голландскую бумагу.

Луку скрутили прямо у печи.

В конюшне его вздёрнули на дыбу.

Павел Волков, налитый утренним вином, лично стегал его сыромятным кнутом, требуя назвать грамотея. Кожа на спине мужика лопнула лохмотьями, обнажая тёмное мясо, кровь хлестала на опилки.

Лука выл, кусал губы до крови, терял сознание, но почерка жены не выдал: хрипел, что нашёл беглого подьячего на тракте и отдал за челобитную последний целковый.

— Продать! — задыхаясь от бешенства, рявкнул барин, швыряя кнут под ноги конюхам. — На Урал его! Демидову! Хоть за полцены, хоть даром! Чтоб духу его здесь больше не было!

Для Луки это звучало почти как смертный приговор.

О демидовских заводах в деревнях рассказывали страшное: будто людей там гоняют в рудники и к горнам до изнеможения, за побегі заковывают в железо, а от угольной гари, рудной пыли и сырости многие сгнивают от чахотки за два-три года.

Правда это была или крестьянская страшилка, никто толком не знал. Но тех, кого увозили туда, редко видели снова.

Прасковья стояла за углом каретного сарая. Услышав скрип телеги, на которой увозили мужа, она словно очнулась. Прасковья вдруг ясно поняла, что сама выдала тайну и обрекла Луку. От этого понимания перехватило дыхание.

Это она. Своим языком. Своими руками отдала мужа на лютую муку. Ноги подкосились. Захлёбываясь воздухом, не видя перед собой дороги, она влетела в пустую, разорённую избу и рухнула на колени перед лавкой.

Горло раздирал беззвучный, звериный вой. Вина жгла внутренности, словно расплавленный свинец.

В кармане фартука тяжёлый хрусталь отозвался на этот крик. Стекло мелко, часто завибрировало, посылая по бедру тёплые импульсы.

Скрипнула приоткрытая дверь.

На пороге стояла Марыюшка. Девочка сжалась в комок, в огромных глазах застыл страх.

— Матушка... — тонко пискнула она и бросилась к ней.

Прасковья сгребла дочь в охапку, прижала мокрое лицо к её худенькому плечу. Они плакали на полу вдвоём, без слов,

сотрясаясь от каждого всхлипа, пока за окнами сгущалась непроглядная ночь.

Слёзы вымочили холщовую рубаху девочки.

Ближе к рассвету, истратив последние силы, обе провалились в беспамятство прямо на полу.

Забытые снова накатило ледяной волной. Прасковья вновь увидела себя со стороны: спящая на полу мать и прижавшийся к ней ребёнок. Из груди Прасковьи, прямо из-под ключицы, толчками повалил густой дегтярный дым — чёрная смола вины, горя и раскаяния. Он клубился над телами, свивался в плотный жгут и бесследно втягивался за прозрачные хрустальные грани сосуда, лежащего в кармане. С каждым новым клубком внутри становилось всё тише. Пока не осталась лишь звенящая пустота.

Рассвет застал Прасковью на полу.

Первый луч солнца, пробившись сквозь мутное слюдяное оконце, лёг на дощатую стену тёплой золотой полосой.

Марыюшка спала рядом, подвернув босые ноги под холщовый подол и беззвучно посапывая во сне.

Прасковья открыла глаза. В правой ладони лежал флакон. Тяжёлый, с ровными прохладными гранями, он будто врос в её кожу за ночь.

Она медленно села. Дышалось легко и чисто, воздух входил в грудь ровной, прохладной струёй. Ни раздражающей вины, ни ужаса перед тем, что ждало Луку, ни отчаяния за его сломанную жизнь.

Всё это исчезло, оставив лишь сухой факт: Лука продан на Урал и увезён из имения.

Она встала, бесшумно ступая, чтобы не разбудить дочь. Подошла к ушату, плеснула в лицо студёной колодезной воды, смывая следы вчерашних слёз. Достала гребень, расчесала смоляные пряди, туго заплела косу и убрала её под свежий выглаженный повойник. Оправила тёмно-вишнёвый суконный сарафан, проверила связку амбарных ключей на поясе.

Лицо в отражении тёмной воды рукомойника было безмятежным, гладким, с мягким утренним румянцем на щеках.

Прасковья опустила гранёный флакон в глубокий карман нижней юбки и вышла из избы.

В усадьбе утро только начиналось. Конюхи лениво выгребали навоз, пахло сырым сеном и дымком из барской поварни.

У парадного крыльца топтался Ермолай.

Увидев экономку, дядька вздрогнул, выронил из рук серебряную табакерку и замер, уставившись на неё круглыми от изумления глазами.

Он ждал чего угодно: выданных от горя волос, бабьего воя у порога, проклятий в свой адрес — ведь именно его донос сгубил Луку.

Но Прасковья шла лёгкой, плавной походкой, держа ровную осанку.

На губах её играла спокойная, почти ласковая полуулыбка.

— Параша?.. — осипшим шёпотом выдавил Ермолай, пятясь к перилам крыльца. — Ты... ты в уме ли? Аль тронулась умом от горя-то?

Прасковья остановилась в двух шагах.

— С чего бы мне умом трогаться, Ермолай? Утро ясное, день тёплый будет. В погребах масло проверить надо, пока мухи не налетели.

Камердинер сглотнул и указал дрожащим узловатым пальцем в сторону тракта.

— Так Луку ж твоего... увезли вчера! Продали на Урал! Говорят, к Демидову пойдёт. Сгноят мужика заживо, до зимы не дотянет! А ты... ты улыбаешься, словно на ярмарку собралась?!

Прасковья лишь равнодушно пожала плечами и поправила ключи на поясе.

В её голосе не дрогнула ни единая нота.

— А чего зря слёзы лить, Ермолай? Мёртвым да пропащим от бабьего рёва легче не станет. Лука сам виноват, по заслугам и получил. Где это видано — на барина доносы строить да смуту затевать? Хозяин поступил строго, да по праву своему. Всякому сверчку свой шесток знать надо. Пойдём в дом, дел невпроворот.

Она легко взбежала по ступеням крыльца, толкнула дверь и скрылась в прохладном полумраке барской прихожей.

Глава 6.

Трещина в броне. Ноябрь 2025 года.

Дверь кабинета генерального директора захлопнулась с плотным стуком, отрезав шум опенспейса.

Дмитрий Александрович Решетников стоял у панорамного окна, заложив руки за спину. За стеклом сорок второго этажа ноябрьский город тонул в серой ледяной мороси. Директор медленно повернулся. Лицо его, обычно лощёное и приветливое, сейчас казалось высеченным из гранита. На полированном столе веером лежали три папки с сорванными контрактами.

— Пятая, Илья. Пятая за два месяца, — голос Решетникова звучал негромко, но в нём звенел непривычный металл. — Сентябрьскую историю с Воропаевым я спустил на тормозах. Сердце подвело — ладно, со всеми бывает, здоровье не купишь. Я дал тебе закрыть больничный, войти в колею. Но это? «Северная Ривьера»? Вчерашний отказ по дуплексу на Озёрной?

Илья сидел на краю глубокого кожаного кресла, сцепив пальцы в замок под столешницей. Дорогой шерстяной пи-

джак висел на нём чуть свободнее, чем прежде, под глазами залегли сизые тени, а тугой ворот рубашки казался удавкой.

— Дмитрий Александрович, на Озёрной просто специфический покупатель... — Илья попытался выдавить привычную улыбку, но щёку свело коротким нервным тиком. — Мы не сошлись по обременениям, я переговорю с ним в понедельник, всё переиграем...

— Не переиграем, — оборвал Решетников, швырнув на стол распечатку отказа. — Клиент позвонил мне лично. Сказал, что наш ведущий агент половину встречи молчал, глядя в одну точку, дважды перепутал метраж участка, а на прямой вопрос о торге начал заикаться и попросил воды. Соловьёв, что с тобой творится?! Где твой язык? Где хватка? Ты же воздух продавал шейхам! А сейчас выглядишь так, будто тебя самого пора выставлять на торги с уценкой!

Илья сглотнул вязкую, горькую слюну. В груди под левой ключицей снова неприятно, мелко закололо — тот самый фантомный спазм, который преследовал его со дня выписки из стационара.

— Это... последствия кризиса. Навалилось всё разом, Дмитрий Александрович. Семья, здоровье... Я выровняюсь. Дайте мне неделю, я всё исправлю.

Решетников глубоко вздохнул, опёрся костяшками о стекло стола и посмотрел на Илью со смесью усталого раздражения и жалости:

— Неделю? Нет у тебя недели, Илья. У агентства план го-

рит. Я даю тебе последний шанс. Ровно один. Если ещё хоть раз сорвёшь показ — мы прощаемся в тот же день, несмотря на все твои прошлые заслуги. Если чувствуешь, что не выводишь, — пиши заявление на отпуск за свой счёт прямо сейчас. Приведи голову в порядок. Спи, гуляй, пей валерьянку. Но в таком виде к клиентам я тебя больше не подпущу.

— Я понял, — сипло выдавил Илья, поднимаясь. Ноги налились, сделались ватными. — Спасибо за шанс. Я... пожалуй, действительно возьму пару недель.

В лаунж-зоне было пусто, лишь приглушённо урчала автоматическая кофемашина. У барной стойки стоял Михаил, размешивая ложечкой сахар в высокой керамической кружке. Увидев лицо Ильи, он молча пододвинул к нему стакан с водой:

— Совсем труба?

Илья неспешно опустился на барный табурет, уткнулся лицом в холодные ладони и хрипло выдохнул:

— Он прав, Мих. Я труп. Я ничего не могу. Выхожу на клиента, открываю рот... а в голове белый шум. Язык будто деревянный, слова рассыпаются. Стою как бревно.

Михаил опёрся бедром о стойку, разглядывая осунувшееся лицо приятеля:

— Дело ведь не в сердце, да?

Илья замер. Потом медленно поднял красные, воспалённые глаза:

— Отец. Через две недели после того, как меня из кардио-

логии выписали... Тромб. Мгновенно, на даче, скорая даже приехать не успела. Пятьдесят три года мужику было, по утрам по десять километров наматывал. Мы с ним за день до этого сцепились из-за какой-то ерунды, из-за зимней резины... Я даже трубку не поднял, не перезвонил.

Он сжал виски побелевшими пальцами. В голосе прорезалась злость, смешанная с отчаянием:

— Я не могу это развидеть, понимаешь? Гроб этот дурацкий полированный, венки, комья глины по крышке... Я стою перед покупателем, заливаю про террасу и систему умного дома, а перед глазами — батина рука. Жёлтая такая, восковая. И всё. Ступор. Дыхание перекрывает. Я не понимаю, что за дрянь со мной творится! Как с этим жить вообще?!

Михаил сочувственно, без тени насмешки покачал головой:

— А ты думал, Илюх, что через пару недель после похорон сможешь жить как прежде? Будто ничего не случилось?

Илья вскинул подбородок, в глазах плеснула злая вспышка:

— Издеваешься?

— Ни капли, — спокойно ответил Михаил. — Просто ты привык, что у тебя всё получается. Хорошая работа, деньги, семья. Если возникала проблема, ты находил способ её решить. А потом умер отец. И впервые оказалось, что ты ничего не можешь изменить. Ни договориться, ни заплатить, ни исправить. Ты растерялся, Илья. Только признаться себе

в этом не хочешь.

— И что мне делать? — глухо, с отчаянным бессилием выдавил Илья, чувствуя себя раздавленным школьником. — Как это выключить, Мих? Колёса? Запой? Я работу к чертям собачьим потеряю!

— Выключить не выйдет, — раздался негромкий голос за спиной.

Они обернулись.

У входа в зону отдыха стояла Даша со стопкой клиентских договоров. Взгляд её был прямым и серьёзным: она слышала всё.

Илья вспыхнул до корней волос, вспомнив, как на этом самом месте снисходительно учил её «держат удар» и прокачивать голос, пока она размазывала слёзы по щекам. Он напрягся, ожидая ответного удара или язвительной ухмылки, но девушка подошла ближе, и в её глазах не было ни капли злорадства — лишь глубокое сочувствие.

— Ты не виноват, Илья, — мягко произнесла она, глядя ему в лицо. — Правда. Тебе просто долго везло обходиться без таких потерь. Но теперь это случилось, и отмахнуться уже не получится. Алкоголь и таблетки наугад только хуже сделают. Тебе нужна помощь. Сходи к психологу.

Илья сдавленно усмехнулся, дёрнув плечом:

— К мозгоправу? Даш, хорош. Я что, псих? Здоровый лоб пойдёт плакаться чужому человеку за деньги? Меня ж на смех поднимут. Это бред.

— Ничего не бред, — Даша шагнула ближе, и в её голосе зазвучала твёрдая уверенность. — Когда у тебя что-то болит и ты сам не справляешься, ты идёшь за помощью. Здесь то же самое. Тебе плохо, Илья. Сам видишь. Сходи. Сам ты этот груз не вытащишь.

Илья опустил глаза на свои руки.

Пальцы мелко подрагивали.

Самолюбие требовало огрызнуться и хлопнуть дверью, но внутри, под рёбрами, расплзалась сосущая пустота, от которой перехватывало горло.

Дорога до дома тянулась сквозь серую ноябрьскую морось. Дворники с монотонным резиновым скрипом размазывали по лобовому стеклу маслянистую дорожную грязь. В салоне электрокроссовера стояла давящая тишина.

Илья никак не мог вытряхнуть из головы слова Даши.

Перед съездом на загородную трассу он крутанул руль и свернул к знакомой ярко-зелёной АЗС.

Заряда хватало ещё на двести километров. На заправку его тянула не необходимость — хотелось вернуться хоть к одной привычной мелочи прежней жизни.

За ледяную жесть банки с колгой. За пару дежурных шуток на кассе.

В торговом зале пахло корицей, фритюром и свежей сдобой. За прилавком стояла знакомая девушка — та самая, что в сентябре вызвала ему скорую. Металлический бейдж с именем «Алина» тускло отсвечивал под неоновыми труб-

ками.

Увидев Илью, она вскинула брови:

— Ой... Здравствуйте. Вы... это ведь вы в сентябре упали?

Илья попытался расправить плечи и натянуть фирменную обезоруживающую полуулыбку, которая прежде безотказно работала на клиентках. Но мышцы лица онемели, скулы светело спазмом, а в горле пересохло.

— Здравствуйте, Алина, — голос сорвался на сиплый фальцет. — Да, это был я. Решил заглянуть, провести спасительницу.

Девушка окинула его настороженным взглядом:

— Вы... как себя чувствуете? Выглядите неважно. Бледный очень... Я тогда скорую еле вызвала, испугалась страшно.

Внутри вскипела душная волна унижительного стыда. Она его жалела. Смотрела не как на лощёного хищника в кашемировом пальто, а как на списанного хроника. Надо было сбить эту жалость, отшутиться, вернуть статус.

И он заговорил.

— Со мной полный порядок, — слова посыпались вразнобой, интонации запрыгали неважно. — На самом деле... я тогда рухнул, просто увидев вашу улыбку. Серьёзно. И кажется... мне опять нужна реанимация, потому что сердце снова встало. Вы... непрямой массаж сердца делать умеете? Рот в рот, например?

Повисла неловкая тишина.

Улыбка сползла с лица девушки. Она отступила на полшага к кассовому аппарату, глядя на него со смесью гадливости и опаски.

— Простите... пробивать что-то будете? — ледяным тоном отрезала она.

Щёки Ильи вспыхнули от стыда. В висках застучал тяжёлый молот.

Он выдал мерзкую пошлость, похожую на пьяный подкат в подворотне.

— Колу, — выдавил он, положив на стойку тысячную купюру. — Без сахара. Сдачи не надо.

Схватив банку, он не стал ждать чек. Почти бегом прошёл в дальний угол кафетерия, рухнул на высокий барный табурет у панорамного стекла и зажмурился до багровых кругов в глазах.

Руки мелко подрагивали. Хватка ушла. Речь развалилась на куски. Лучший работник агентства «Вершина» превратился в посмешище.

«Тебе плохо. Сам видишь. Сходи. Сам ты этот груз не вытащишь».

Слова Даши ударили в виски с новой силой.

Илья резко расстегнул кожаный рюкзак, выдернул ноутбук и поднял крышку. Пальцы застучали по клавиатуре:

«помощь психолога срочный приём сегодня».

Поисковик вывалил сотни ссылок.

Он ткнул в первую попавшуюся — агрегатор частных специалистов. На экране выскочило поле экспресс-заявки:

«Опишите ваше состояние, и мы подберём специалиста с подтверждённой квалификацией за 15 минут».

Илья сделал глоток ледяной газировки и быстро вбил данные.

Имя: Илья.

Возраст: 29 лет.

Запрос: психолог.

Описание проблемы: «Постоянная паника после смерти близкого родственника. Потеря концентрации. Не могу нормально говорить с людьми, иногда будто впадаю в ступор. Постоянно вспоминаю похороны. Срочно нужно вернуть работоспособность».

Ткнув галочку согласия, он нажал синюю плашку «Отправить» и захлопнул ноутбук.

В груди всё ещё горело от стыда за сцену у кассы, но на дне сознания затеплилась наивная надежда: сейчас выйдет на связь специалист, объяснит, что с ним происходит, даст чёткий алгоритм — и всё вернётся на место.

Сделки. Сон. Наглый блеск в глазах.

Он допил колу.

За мокрым стеклом витрины ползли бесконечные вереницы красных габаритных огней.

Прошло не больше пяти минут, когда лежащий рядом смартфон завибрировал.

Номер был незнакомый, городской.

Илья смахнул вызов:

— Да?

— Здравствуйте, Илья, — в динамике прозвучал бархатный женский голос. Без казённых интонаций операторов, ровный и обволакивающий. — Меня зовут Виктория. Я психолог. Только что открыла вашу заявку на портале.

— Так быстро?.. — растерялся он.

— Вы указали, что вам нужна срочная помощь, — мягко ответила она. — По тому, что вы описали, потеря близкого человека сильно выбила вас из привычной жизни. Навязчивые воспоминания, тревога, проблемы с концентрацией, ощущение, что в нужный момент вы будто замираете...

Илья крепче сжал телефон.

Она говорила именно о том, что происходило с ним последние недели.

— Это можно убрать? — спросил он. — Быстро.

На том конце ненадолго воцарилась тишина.

— Можно сделать так, чтобы вам стало легче, — ответила Виктория. — Я работаю достаточно интенсивно. Не люблю месяцами ходить вокруг одной точки. Иногда уже после первых встреч человеку становится проще дышать, спать, собирать мысли. Но сначала мне нужно вас увидеть и поговорить с вами.

Слова легли точно в цель.

Месяцев у него не было — шеф ясно дал понять, что вы-

швырнет его со дня на день.

— Когда к вам можно? — выдавил Илья. — На этой неделе?

— Зачем тянуть? — чуть усмехнулась Виктория. — У меня освободилось окно через два часа. Приезжайте. Для начала разберёмся, что именно держит вас в этом состоянии. Договорились?

— Да. Диктуйте адрес.

В назначенное время Илья уже сидел в кабинете психолога на Малой Посадской.

Виктория оказалась статной, ухоженной женщиной лет тридцати пяти с цепким, почти гипнотическим взглядом.

Её кабинет в мансарде старого доходного дома не походил ни на медицинский кабинет, ни на тот образ психолога, который Илья успел наскоро придумать по дороге: дощатый тёмный пол, панорамный скос крыши, запах лаванды, сухого шалфея и воска.

Из мебели — пара глубоких кожаных кресел, низкий журнальный стол, да шкафчик у стены.

Ни стеллажей с папками, ни дипломов в рамках. Только свободный объём, воздух и мягкий свет торшера.

Она почти не перебивала.

Задавала короткие, бьющие под дых вопросы, распутывая один клубок за другим.

И Илью сорвало.

Он никогда не предполагал, что способен вывалить на чу-

жого человека всю подноготную: сковывающий страх перед сорванными сделками, ступор перед клиентами, восковую руку мёртвого отца и гложущий стыд показаться слабаком перед Ксенией, Тёмой, коллегами.

К концу встречи возникло жутковатое ощущение, будто эта женщина знала о нём больше, чем он сам.

Словно читала развёрнутую карту его скрытых дефектов. Тяжесть под рёбрами рассосалась. Мысли выстроились в ровные ряды. На смену панике пришла странная, невесомая эйфория, похожая на лёгкое опьянение. Затянувшийся узел был срезан.

Ночью Илья спал без сновидений.

Ни глиняных комьев над гробом, ни привычного покалывания под левой ключицей, ни липкого утреннего ужаса.

Он глубоко тонул в тёплой тишине своей спальни.

Глава 7.

Интерлюдия. Падение с высоты. Ноябрь 2010 года.

Пепельно-серое ноябрьское небо висело над спальным районом низко, почти цепляясь за плоские крыши панельных девятиэтажек. Моросил мелкий, колючий дождь, превращая тротуары в скользкое тёмное зеркало.

Воздух разрезал короткий, резкий свист.

Тело с глухим ударом упало на мокрый асфальт.словно с высоты девятого этажа швырнули туго набитый мокрым тряпьём куль.

Спустя секунду тишину двора разорвал пронзительный женский визг.

— Господи! Упала! Человек разбился!

— С крыши сиганула! Скорую! Звоните в скорую, живей!

У подъезда мгновенно сбилась суетливая, испуганная толпа. Мужчина в засаленной спецовке выронил сигарету прямо в лужу, какая-то старуха с сеткой-авоськой заголосила, мелко крестясь и пятясь к клумбе.

Тело молодой женщины лежало в неестественной, изломанной позе. Светлые волосы вымокли в грязи, серое пальто

разорвалось на плече. Из-под неподвижной головы по шер-
батовому асфальту расползлось багровое пятно, размываясь
под каплями дождя.

В полуметре от раскинутой мёртвой руки, прямо на гра-
нице лужи, блестели крупные острые осколки.

Толстый гранёный хрусталь отражал жёлтый свет фона-
рей. От разбитого стекла исходил едва уловимый пар —
словно из треснувшего сосуда только что вырвался и разве-
ивался на ветру маслянистый дым.

Сквозь нарастающий гул толпы плавно скользнула фигу-
ра.

Длинный плащ скрывал её фигуру и почти не шелестел
при ходьбе. Высокие тонкие каблуки мягко ступали по мок-
рому асфальту. Лицо закрывали широкие, опущенные вниз
поля фетровой шляпы, оставляя на виду лишь линию остро-
го подбородка и бледную гладкую кожу.

Люди расступались перед ней почти машинально, хотя ни-
кто не понимал почему.

Незнакомка подошла к телу вплотную.

Она даже не вздрогнула при виде разбитой головы и кро-
ви. Изящно присела и принялась собирать осколки. Пальцы
в тонких чёрных кожаных перчатках двигались быстро и уве-
ренно, подбирая с мокрого асфальта даже мельчайшие кру-
пицы гранёного хрусталя.

Последней в узкую ладонь легла уцелевшая часть доныш-
ка, ещё хранившая остаточное тепло человеческого тела.

Осколки исчезли во внутреннем кармане плаща.

Женщина поднялась, поправила край воротника и, не оглядываясь на мёртвую, шагнула назад.

Толпа сомкнулась за её спиной.

Вдали послышалась милицейская сирена. У самой арки её вой оборвался.

Во двор, вздымая серые фонтаны грязной воды из выбоин, один за другим влетели белый микроавтобус скорой и облуленный милицейский «УАЗик».

Двери распахнулись почти одновременно.

Запахло выхлопными газами, перегретым машинным маслом и мокрым железом.

Медики первыми направились к телу.

Из передней двери милицкого уазика выбрался капитан Егор Кравцов — крупный, грузный оперативник в растёгнутой форменной куртке с полинявшими шевронами. Он окинул взглядом лужу крови, смятое тело и колышущуюся у подъезда толпу, сплюнул под колесо и сунул руки в карманы.

Следом из машины выскочила младший лейтенант Ирина Романова. Форменный китель сидел на ней идеально, новенькая кобура на поясе пахла свежей заводской кожей.

Кравцов медленно повернул голову, криво усмехнулся углом рта и бросил сквозь зубы:

— Ну что, Романова, с боевым крещением. Первая смена — и сразу джекпот. Поздравляю с почином. Надеюсь, девка

обычная «парашютистка», сиганула от несчастной любви, и мы не огребём всяк на весь отдел. Проверим выход на крышу, опросим соседей — глядишь, ничего лишнего не нароют.

Ирина даже не посмотрела на начальника. Она остановилась в нескольких шагах от тела, не мешая медикам, и быстро огляделась.

Расстояние от стены дома. Положение тела. Брызги крови на цоколе. Следы обуви вокруг. Толпу, уже успевшую вытоптать половину мокрого двора.

— Граждане, не расходимся! — громко произнесла она. Голос прозвучал чётко, без тени девичьей неуверенности. — Кто видел момент падения или находился здесь сразу после него — останьтесь. Остальные отойдите к лавочкам и не подходите ближе. Не топчите место происшествия!

Толпа недовольно загудела, но начала медленно пятиться.

Ирина натянула тонкие резиновые перчатки, достала служебный блокнот и оглянулась на Кравцова:

— Следственно-оперативную вызвали?

— Уже едут. И судмедэксперт с ними, — лениво бросил он.

Из первых рядов толпы робко выступил мужчина лет пятидесяти в засаленной болоньевой куртке с капюшоном. Руки его мелко подрагивали, взгляд метался от багровой лужи к погонам Ирины.

— Товарищ лейтенант... гражданочка... — сипло, сбива-

ясь на полушёрпот, позвал он, оглядываясь по сторонам.

Ирина тут же шагнула к нему, открывая блокнот:

— Слушаю вас. Вы видели падение?

— Да не падение я... Звук услышал, выскочил, думал, мешок с мусором с балкона сбросили, — свидетель нервно сглотнул, вытирая мокрый нос рукавом. — Тут другое, гражданочка. Только-только она шлёпнулась... кровь ещё растекалась... К ней баба подошла. Странная такая. Так вот она, наклонилась... и с асфальта осколки от склянки подобрала.

Кравцов, подошедший следом с зажатой в зубах сигаретой, насмешливо хмыкнул:

— Какой ещё склянки, дед? Ты уже бухнуть успел, что ли?

— Да не пил я, начальник! — мужик аж привстал на цыпочки от обиды, мотая головой. — Стекляшка разбитая была! Осколки толстые, гранёные, на свету блестели. От неё дымок шёл... сизый такой, масляный, словно тлело внутри что-то. Она все осколки до единого в кулак сгребла и в карман засунула. А потом сквозь народ шмыгнула — и как сквозь землю провалилась.

Ирина внимательно осмотрела асфальт возле раскинутой руки погибшей. Дождь медленно размывал кровь, заполняя водой мелкие выбоины. Ни одного осколка. Ничего, что могло бы подтвердить рассказ свидетеля.

— Приметы, — жёстко потребовала она, щёлкнув кнопкой ручки. — Как выглядела? Рост, одежда, лицо?

— Лица не видел, хоть убейте, — свидетель развёл ру-

ками. — Шляпа у неё была... фетровая, поля широкие, вниз заломлены, только подбородок острый торчал, белый совсем. Сама худая, стройная. Высокая... ну, со мной вровень, сантиметров сто семьдесят пять, только это на каблуках. Сапоги на тонкой шпильке. Плащ длинный, почти до самой земли, чёрный. И перчатки на руках — тонкие, чёрные, кожаные, в облипку по пальцам. Ни слова не сказала. Подобрала стекло — и ушла в сторону арки.

Ирина быстро записала показания в служебный блокнот: Женщина, рост около 175 см с учётом обуви на высоком каблуке. Телосложение худощавое, стройное.

Особые приметы: длинный тёмный плащ свободного кроя, чёрная широкополая шляпа, лицо почти полностью скрыто, чёрные кожаные перчатки.

Действия: сразу после падения погибшей подошла к телу и собрала с асфальта фрагменты разбитого стеклянного предмета.

Ирина поставила точку и ещё раз посмотрела в пустоту арки.

Там уже ничего не было.

Только дождь, мокрый асфальт и отражение далёкого фонаря в луже.

Со стороны улицы донёсся звук ещё одной подъезжающей машины.

Следственно-оперативная группа.

Кравцов бросил окурок под каблук и нехотя растёр его по

асфальту.

— Ну вот, сейчас умные люди приедут и объяснят нам, что деду привиделось.

Ирина не ответила. Она ещё раз посмотрела в сторону арки и закрыла блокнот.

Теперь её интересовало не только то, почему девушка оказалась под окнами девятиэтажки, но и зачем неизвестной понадобились осколки разбитого стекла.

Глава 8.

Архив профессора Лебедева. Июнь 2011 года.

Год в стенах «Скворцовки» прошёл как один монотонный рабочий день.

Интерн Антон Савельев словно решил окончательно поселиться в клинике. Днём он неотступно следовал за профессором Лебедевым: изучал истории болезней, наблюдал за поведением пациентов, старательно запоминал схемы лечения. А когда заканчивался рабочий день, спускался в цокольный архив и оставался там до позднего вечера.

По ночам на кухне панельной пятиэтажки горела настольная лампа. На клеёнке стояли стопки монографий, немецкие статьи по атипичной кататонии и пожелтевшие диссертации.

Он искал брешь в стене. Слепой стык симптомов, через который можно вернуть сознание матери.

Состояние Юлии Владимировны не менялось ни на миллиметр. Она часами сидела на матрасе, уставившись в квадрат окна, почти не реагируя на шаги и звуки.

Но шестая палата не походила на остальные надзорные боксы.

Отделение приняло интерна без обычной больничной склочности. Савельев держался особняком: прямой, немногословный, с внимательным взглядом. Трагедию семьи в ординаторской узнали быстро, и медсёстры ответили на неё той особой, почти сестринской жалостью, на которую способны только женщины в закрытых стационарах.

«Юлечка Владимировна» — иначе мать Антона в отделении не называли.

Палатная медсестра Анята каждое утро расчёсывала ей редкие седые волосы деревянным гребнем, сплетала в тонкую косу, подрезала ногти и мазала сухую кожу рук аптечным кремом. Санитарки без напоминаний пересаживали женщину в каталку и вывозили по пандусу в старый яблоневый сад больничного двора — посидеть на тёплом воздухе.

Следили, чтобы она ела и пила, меняли положение тела, разминали затёкшие руки и ноги.

Казённых полосатых рубаш на ней не было. Антон отдавал на вещи почти всю интернскую ставку: привозил мягкие трикотажные кофты, ситцевые платья, хлопковые носки без тугих резинок, не пережимающие отёчные ноги.

Он влетал в палату перед утренней летучкой, забегал в обед, а на ночных дежурствах часами сидел на жёстком стуле, удерживая её холодную руку в своих пальцах и вполголо-са разбирая фармакокинетику новых препаратов.

Намёки и приглашения на чай в сестринской Антон гасил сразу — ровно, вежливо, без высокомерия. Внутри у него не

осталось свободного места для флирта.

Все нервы и силы были стянуты в один сухой жгут: найти способ достучаться.

Тот июньский день впечатался в память до мельчайших деталей.

Утренняя планёрка в кабинете профессора закончилась. Врачи разобрали серые картонные папки с историями болезни и, негромко переговариваясь, вышли в коридор.

Антон уже поднялся со стула, поправляя накрахмаленный воротник халата, когда Виктор Сергеевич Лебедев, сидевший во главе стола и протиравший бархоткой стёкла роговых очков, негромко бросил:

— Антон Андреевич, задержитесь на пару минут. Разговор есть.

Савельев опустился обратно на стул с высокой деревянной спинкой, положив ладони на полированное дерево.

В кабинете пахло трубочным табаком и крепко заваренным чёрным чаем с чабрецом.

Лебедев водрузил очки на переносицу, упёрся локтями в полированную поверхность стола и посмотрел на интерна долгим, пристальным взглядом.

За этот год старый профессор увидел в парне не просто цепкую логику исследователя, но и пугающую жертвенность.

— Ну что, Антон Андреевич, как прошли выходные? — негромко спросил старик, чуть прищурившись. — Опять за монографиями просидел? Круги под глазами чёрные.

Антон лишь сдержанно кивнул.

Лебедев нахмурился и шумно выпустил воздух сквозь зубы.

Ему претило видеть, как двадцатипятилетний парень с блестящим будущим методично выжигает вокруг себя всё живое.

Ни прогулок, ни лёгкого флирта с медсёстрами, ни встреч с однокурсниками.

Только замкнутый больничный треугольник: приёмное отделение, палата Юлии Владимировны и ночные разборы клинических статей на пустой кухне.

— Антон, ты соображаешь, что делаешь со своей жизнью? — в голосе профессора пробивалась горечь. — Ты добровольно замуровал себя в клинике. Палата матери, дежурства, центнеры специальной литературы. Психика имеет предел прочности. Сломаешься пополам раньше, чем успеешь хоть кого-то спасти.

Антон чуть вздёрнул подбородок. В груди поднялась волна привычного протеста, но пререкаться с наставником он не стал.

Лишь сильнее сжал челюсти и ответил сухо, с жёстким звоном в голосе:

— Соображаю. И менять ничего не стану, Виктор Сергеевич.

Лебедев удручённо покачал седой головой: пробить эту броню словами было невозможно.

Помолчав, он выдвинул верхний ящик стола, достал серую папку на завязках и положил её перед Савельевым.

— Ладно. Упрямство — тоже может быть полезно, если направить его в работу. — Профессор постучал костяшкой пальца по картонной обложке. — В субботу по скорой привезли. Ковган Алексей Петрович, сорок пять лет. Речь спутанная, странная бредовая фабула о некоем мистическом сосуде. Дежурные сначала думали об остром психотическом расстройстве. Параллельно проверяли неврологию: больно уж замысловатые у него описания белых комнат, старых фотокарточек и каких-то провалов.

Виктор Сергеевич подался вперёд, в глазах сверкнул профессиональный азарт.

— МРТ без значимой органики. На обычной ЭЭГ эпилептиформной активности не зарегистрировали. Хотя височную эпилепсию одной рутинной записью, сам понимаешь, окончательно не снимешь.

Антон кивнул.

— Но меня цепляет другое, — продолжил Лебедев. — Фабула очень устойчивая. Повторяет одни и те же детали без заметных провалов. При этом контакт местами вполне сохранён. Отдельные события оценивает трезво, ориентирован правильно, понимает, где находится. Аффект скачет: то со слезами благодарит некую женщину, то проклиная её последними словами.

— То есть психоз не исключаете?

— Ни в коем случае. Я говорю только о том, что картинка не складывается полностью. Слишком уж много повторяющихся предметных деталей. Я хочу, чтобы ты поговорил с ним сам.

Лебедев пододвинул папку вплотную к рукам Антона.

— Снимешь психический статус, оценишь контакт, последовательность рассказа, ориентировку. После обеда жду подробный доклад. Потом я сам его посмотрю.

У Антона перехватило горло.

Один.

Почти без подстраховки.

Профессор не просто поручил ему больного — доверил провести первый подробный разбор самостоятельно.

Разумеется, Савельев понимал: Лебедев перепроверит каждый пункт, перечитает каждую строчку и сам зайдёт к пациенту.

Но сам этот жест означал главное: в нём наконец перестали видеть практиканта, разносившего бланки анализов.

— Спасибо, Виктор Сергеевич, — твёрдо произнёс Антон, поднимаясь и прижимая к груди прохладную картонную папку. — Я разберусь.

Не теряя ни минуты, он вышел из кабинета профессора.

Полы белого халата шелестели на ходу по гулкому остеклённому переходу между корпусами и каменным ступеням на второй этаж — прямо в третье мужское отделение, к палате Алексея Ковгана.

Через четверть часа Антон уже сидел напротив пациента.

Палату номер восемь недавно закатали в грязно-розовый колер — считалось, что такая гамма меньше раздражает возбуждённых больных.

Мужчина сидел на самом краю жёсткой койки, сжав пальцами собственные предплечья, и размеренно, механически раскачивался вперёд-назад. Взгляд упирался в волосяную трещину на сухой штукатурке.

У открытой двери, привалившись плечом к косяку, маячил дежурный санитар Гриша — центнер казённого веса, готовый в любую секунду вмешаться.

Антон положил на колени папку с историей болезни.

Привычно отметил внешний вид пациента: землистый оттенок кожи, глубокие поперечные борозды на лбу, запавшие глазницы с фиолетовыми кругами.

Человек казался опустошённым.

— Алексей Петрович, доброе утро, — ровным, низким голосом произнёс Антон. — Я Антон Андреевич Савельев, врач-интерн. Сегодня хотел бы с вами поговорить. Вы понимаете, где находитесь?

Ковган даже глазом не повёл.

Раскачивание не сбилось ни на секунду.

— Она... она сказала, так надо, — забормотал мужчина хриплым шёпотом, не отрываясь от стены. — Иначе не справлюсь. Внутри всё кипело, доктор. Видели, как вода в чайнике скачет перед закипанием? Вот... прямо здесь. Под

рёбрами.

Антон отмечал детали: влажные от пота ладони, подёргивание левого века, пальцы, впившиеся в рукава пижамы до белизны костяшек.

Никакой ярости или напора.

— Кто сказал, Алексей Петрович? — осторожно уточнил Антон, наклоняясь чуть ближе.

Ковган провёл сухим языком по растрескавшимся губам. Угол рта дёрнулся вверх, сложившись в злую, ядовитую усмешку.

— Она... — протянул он с расстановкой, словно пробуя звук на зубах. — Тварь лживая. Из-за неё всё пошло прахом. Красивая... От неё лавандой пахло... Она мне склянку отдала.

В голове Антона щёлкнул диагностический тумблер.

Склянка. Запах трав. Резкое изменение психического состояния.

Неизвестное вещество? Кустарный препарат? Синтетика?

— Что за склянка, Алексей Петрович? — мягко спросил он. — В ней была жидкость? Вы что-нибудь пили, вдыхали, наносили на кожу? Может быть, принимали лекарство?

Ковган резко повернул голову.

Пациент резко посмотрел Антону прямо в глаза. От этого взгляда ему стало не по себе.

— Лекарство? — прошипел пациент, и раскачивание мгновенно прекратилось. — Какое ещё лекарство? Ты дурак

совсем, доктор? Я же говорю: она живая! Ладони жжёт огнём, и боль уходит. Начисто уходит, ясно тебе? Только комната нужна... и стол с ящиками...

Он замолчал на полуслове, вскинул голову и замер, ловя далёкий лязг тележки в коридоре.

В палате повисла гулкая пауза.

— Алексей Петрович, — позвал Антон. — Какой стол?

— Стол... — эхом отозвался тот, и звук сорвался на шуршащий хрип. — Обычный стол. Туда карточку прятать надо. Тогда отпустит. И ведь отпустило... Только обманула тварь. Боль ушла... а следом жизнь кончилась...

Антон стиснул зубы. Волоски на предплечьях встали дыбом. Перед ним могла быть бредовая система. Но странно было другое: Ковган рассказывал не отвлечённую мистическую историю, а последовательность конкретных действий.

Комната. Стол с ящиками. Карточка. Сосуд. Жжение в ладонях. Исчезновение боли.

Будто не фантазировал, а вспоминал инструкцию.

— Алексей Петрович... где эта склянка сейчас? — в голосе Антона пробила жёсткая нота.

— В люке...

Лицо Ковгана перекосило неподдельным ужасом. Вены на висках надулись синими жгутами. Глаза расширились так, что, казалось, вот-вот выпрыгнут из орбит.

— А я не хотел! Слышишь, не хотел! Я не знал! Я не понял!

Слёзы брызнули из глаз крупными каплями.

Мужчина задохнулся, всхлипнул и ударил себя кулаком в лоб. Раз. Ещё раз.

Антон сорвался с табурета.

— Алексей, прекратите! Уберите руки!

Он слишком резко сократил дистанцию, не дождавшись санитара, и схватил Ковгана за запястья.

Тот дёрнулся с неожиданной силой.

— Пустите! Пустите меня!

Гриша оказался рядом через секунду. Перехватил пациента за плечи, помог уложить на койку, не давая снова ударить себя.

— Сестра!

В дверном проёме появилась медсестра.

Несколько секунд ушло на то, чтобы безопасно удержать Ковгана и ввести назначенный врачом препарат.

Ещё через несколько минут сопротивление начало слабеть. Кулаки разжались. Рванный крик перешёл в редкие всхлипы, потом в тяжёлое дыхание.

Антон выпрямился. На висках выступил холодный пот. Он поднял с пола историю болезни и вышел в коридор.

Дорога до ординаторской показалась бесконечной. В голове крутились обрывки чужого рассказа: сухая лаванда, карточка в ящике, жгучее стекло, люк. Рациональный медицинский ум перебирал привычные версии. Психотическое расстройство. Интоксикация. Неврологическая патология. Воз-

можно, сочетание нескольких факторов. Но одна мысль не давала покоя: Ковган не просто рассказывал историю. Он описывал правила.

В ординаторской Антон выпил два стакана холодной воды из графина и долго, неподвижно сидел перед чистым листом дневника наблюдений. Заставляя себя вычеркнуть впечатления. Оставить только хронологию, наблюдаемые симптомы и слова пациента. Когда записи сложились в строгую схему, он поднялся к Лебедеву. Профессор ждал.

На столе остывал крепкий чай с лимоном.

— Входи, Антон Андреевич. Присаживайся. Докладывай.

Савельев опустился на стул, открыл папку и заговорил:

— Психотическая симптоматика вероятна, но окончательно квалифицировать состояние пока не могу. По предыдущим осмотрам ориентировка сохранена. Контакт нестабильный. В рассказе повторяются одни и те же детали: женщина, сосуд, комната со столом и исчезновение психалгии.

Лебедев слушал, не перебивая.

— Кроме того, — продолжил Антон, — он описывает жжение в ладонях, резкое облегчение после контакта с сосудом, затем эмоциональную опустошённость. Я бы не исключал интоксикацию или психическое расстройство, вызванное неизвестным веществом.

Он помолчал.

— И ещё обязан доложить: при возбуждении полез к нему сам, не дождался санитаря.

Лебедев чуть приподнял бровь.

— Уже понял, что зря?

— Да.

— Значит, второй раз не полезешь. Идём дальше. Что по веществу?

— Пока ничего. Сам сосуд он называет стеклянным, говорит, что тот нагревался в руках. Упоминает лавандовый запах женщины, которая его передала. — Антон поднял глаза. — Что с ним на самом деле, Виктор Сергеевич?

Профессор откинулся на спинку кресла.

— Если бы я знал, что с ним на самом деле, не держал бы столько лет — вот это.

Лебедев повернул ключ в дверце нижнего сейфа, вынул старую, истёртую по краям картонную папку и положил на стол.

— Первый случай попал ко мне семнадцать лет назад. Молодая женщина. Твердила про ящик, белую комнату и маленький стеклянный сосуд, который будто бы отсекает душевную боль. За полгода она потеряла мать, мужа и ребёнка. Консилиум тогда выставил психотическое расстройство. Никто особенно не спорил.

Он достал вторую подшивку.

— Через два года привезли мужчину. Другой город, другая биография. А детали те же.

Лебедев открыл папку и ткнул пальцем в пожелтевший лист.

— Жжение в ладонях. Тепло от стекла. Ящик стола. Карточка. Облегчение. Потом — провал.

Антон перестал дышать.

— Совпадение?

— Я тоже сначала так решил.

Профессор медленно закрыл папку.

— Тогда мой брат Николай служил в уголовном розыске. Как-то за разговором упомянул парня-самоубийцу. Тот перед прыжком с высоты исписал три блокнота про какой-то хрустальный флакон, который забирает боль. Я попросил показать записи.

Лебедев помолчал.

— И увидел те же детали. Не одинаковые фразы. Не одинаковые истории. Именно детали, о которых один человек никак не мог узнать от другого.

Он вытащил из сейфа ещё несколько папок.

— Мы стали копать неофициально. Поднимали сводки, отказные материалы, старые милицейские ориентировки, истории болезни. Сначала находили единичные совпадения. Потом их стало слишком много.

На стол лёг огромный архивный том толщиной в два кулака.

— Больше пятидесяти эпизодов за двадцать лет, Антон. Савельев не шевельнулся.

— Пятьдесят?

— Больше. Просто по этим у меня есть хоть какая-то

документация. И везде повторяются одни и те же элементы: хрустальный флакон, тепло или жжение в руках, определённая последовательность действий и полное исчезновение психалгии.

Лебедев провёл ладонью по потрескавшейся обложке.

— Часть людей потом покончила с собой. Другие ушли в тяжёлую психиатрическую хронику и годами не возвращались к нормальной жизни. У кого-то исчезали семьи, работа, имущество. Были смерти, несчастные случаи, преступления.

Он постучал пальцем по папке Ковгана.

— А теперь тот же след здесь.

Антон смотрел на архив.

— Вы хотите сказать, что верите ему?

Лебедев долго молчал.

— Я хочу сказать, что после пятидесятого совпадения слово «совпадение» начинает звучать притянuto.

Антон перевёл взгляд на старика.

— И что вы предлагаете?

— Проверять. Каждое имя, каждую дату, каждый адрес. Искать токсикологию — ищи. Неврологию — проверяй. Психиатрию — тем более. Но если двадцать человек, не знакомых друг с другом, описывают одну и ту же последовательность действий с одним и тем же предметом, врач не имеет права просто написать «бред» и закрыть карту.

Лебедев отодвинул архив к Антону.

— Ты въедливый, Антон. И пока ещё достаточно злой,

чтобы не удовлетворяться удобным объяснением. Ковган остаётся под наблюдением отделения. Ты будешь вести его вместе со мной.

Антон провёл пальцами по потрёпанному краю архивной папки.

— А это?

— Забирай. Изучай. — Лебедев надел очки. — Ты ведь собирался выходить на научную работу?

Савельев медленно кивнул.

— Вот и займись. Только запомни одну вещь: сначала факты. Всё остальное потом.

— Возможно, потребуются запросы в архивы. Доступ к старым картам.

— Где смогу — помогу. — Лебедев откинулся на спинку кресла. — И, Антон...

Савельев остановился у двери.

— Не влюбляйся в собственную гипотезу. Самый опасный момент для врача — когда он начинает хотеть, чтобы загадка оказалась настоящей.

Антон ничего не ответил.

Спустя десять минут он шагал вниз по гулкой лестнице главного корпуса, прижимая к груди пухлые, пахнущие пылью и старой бумагой папки.

В висках пульсировало. В нём смешались страх перед неизвестным и азарт исследователя, нащупавшего загадку своей жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.